

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА,

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяць 40 коп., съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 30 к., на 1 мѣс. 50 коп.

ОТДѢЛЬНЫЕ №№ по 10 копѣекъ.

№ 25.

20 ЮНЯ

1882 ГОДА.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Донская улица, домъ Ризодожеиской церкви, квартира протоіерея Виктора Петровича Рождественскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ за строку, или мѣсто строки за одинъ разъ 10 к., за 2 раза 18 к., за 3 раза 24 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Памяти Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Макарія. Черты изъ жизни Митрополита Макарія. Воспоминаніе о приснопамятномъ Митрополитѣ Макаріи. Митрополитъ Макарій, какъ Богословъ. Перенесеніе, отпѣваніе и погребеніе гѣла въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Макарія. Слово предъ отпѣваніемъ Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, митрополита Московскаго и Коломенскаго, произнесенное протоіереемъ Петропавловской, въ Басманной, церкви, П. А. Смирновымъ. Рѣчь при отпѣваніи митрополита Макарія, произнесенная кафедральнымъ протоіереемъ А. И. Соколовымъ. Рѣчь при гробѣ Макарія митрополита Московскаго, произнесенная протоіереемъ Казаискаго собора, Д. И. Кастальскимъ. Слово въ день погребенія митрополита Макарія, произнесенное Ректоромъ Московской духовной академіи, протоіереемъ С. К. Смирновымъ. Корреспонденція изъ Сергіева посада.

ПАМЯТИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ.

Высокопреосвященный митрополитъ Макарій скончался 9 іюня въ 35 минутъ 12 часа ночи, въ подмосковномъ селѣ Черязовѣ—обычномъ лѣтнемъ помѣщеніи митрополитовъ московскихъ, на 66 году своей жизни. Владыка родился 19 сентября 1816 г. въ с. Сурковѣ Ново-оскольскаго уѣзда Курской губерніи, и во святомъ крещеніи нареченъ Михаиломъ. Отецъ его былъ священникъ этого села Петръ Булгаковъ. Первоначальное образованіе Михаила Булгакова шло обычнымъ для всѣхъ дѣтей духовенства порядкомъ: сначала онъ учился въ духовномъ училищѣ, а за тѣмъ въ Курской духовной семинаріи, гдѣ и окончилъ курсъ ученія, на 21 г. Рано осиротѣвшій мальчикъ принялъ не мало горя и лишеній во время своего ученія въ тогдашней суровой и бѣдной духовной школѣ. Какъ лучший студентъ семинаріи онъ посланъ былъ для продолженія образованія въ Кіевскую духовную Академію, въ которой и окончилъ курсъ ученія по первому разряду, въ 1841 г., на 25 году своей жизни. Бывши еще студентомъ, на послѣднемъ году ученія, Михаилъ Булгаковъ принялъ монашество (15 февраля 1841 года) съ именемъ Макарія. По окончанію академическаго курса, молодой іеромонахъ Макарій, какъ выдающійся по своимъ талантамъ и познаніямъ студентъ, оставленъ въ академіи бакалавромъ русской церковной и гражданской исторіи съ 24 августа 1841 г.; съ этого времени и начинается непрерывавшееся до послѣдняго дня жизни его самоотверженное служеніе духовной наукѣ и просвѣщенію, сдѣлавшее извѣстнымъ и знаменитымъ его имя не только въ Россіи, но и во всемъ образованномъ мірѣ. Въ степень магистра іеромонахъ Макарій возведенъ 9/18 декабря 1842 г. Но недолго пришлось послужить ему въ родной академіи,—только одинъ годъ. Въ 1842 г. онъ перемѣщенъ бакалавромъ богословскихъ наукъ въ петербургскую академію, гдѣ послѣдовательно проходилъ

должности профессора, инспектора (въ 1844 г.) и ректора (1850 г.). Одновременно съ инспекторствомъ онъ сдѣланъ былъ ординарнымъ профессоромъ и возведенъ въ санъ архимандрита. Въ должности же инспектора архимандритъ Макарій «во уваженіе обширныхъ свѣдѣній въ предметахъ богословскихъ, равно ученыхъ трудовъ и особенно изданнаго имъ въ 1847 г. сочиненія подъ заглавіемъ: «введеніе въ православное Богословіе» удостоенъ высшей ученой степени Доктора Богословія 31 октября 1847 года. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 1851 года 20 января ректору академіи архимандриту Макарію повелѣло быть епископомъ Винницкимъ, викаріемъ Каменецъ Подольской епархіи, а 28 января онъ хиротонисованъ во епископа въ СѢБ. Казанскомъ соборѣ, на 35 году своей жизни. Служеніе его духовному просвѣщенію въ академіи продолжалось въ епископскомъ санѣ еще 6 лѣтъ до 1 мая 1857 г., когда онъ назначенъ былъ епископомъ Тамбовскимъ. Слишкомъ 16-лѣтній періодъ академической службы преосвященнаго Макарія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ блестящимъ временемъ его научной дѣятельности—это былъ, по его собственному изыщному выраженію «самый счастливый и полный очаровательныхъ симпатій души къ научной профессіи періодъ его жизни». Въ это именно время написаны имъ почти всѣ знаменитыя ученые сочиненія, какъ-то: «исторія Кіевской академіи», «исторія христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго князя Владимира», «введеніе въ православное Богословіе», «православное догматическое Богословіе», «исторія русскаго раскола» и первые томы его монументальной «исторіи русской цоркви», сочиненія справедливо доставившія ему не только всероссійскую, но и европейскую извѣстность. Всѣ наши ученые учрежденія и общества, начиная съ академіи наукъ, сочли за честь принять ученаго іерарха въ свою среду съ званіемъ почетнаго члена, и нѣтъ въ Россіи ни одного подобнаго учрежденія, которое въ справедливомъ признаніи и воздаяніи его безцѣнныхъ заслугъ

отечественному просвѣщенію наиболѣе почетнымъ образомъ не включило его въ число своихъ сочленовъ.

Съ 1 мая 1857 г., когда преосвященный Макарій назначенъ епископомъ Тамбовскимъ, начинается его епархіальная служба послѣдовательно въ епархіяхъ Тамбовской, Харьковской (съ 1859 г.), гдѣ онъ въ 1862 г. возведенъ въ санъ архіепископа, Литовской (1868 г.), и наконецъ съ 8 апрѣля 1879 г. Московской въ санѣ митрополита Московскаго. Но и во время епархіальнаго управленія почившій Владыка не переставалъ заниматься учеными трудами, продолжая свою «исторію церкви», которой онъ успѣлъ издать при жизни XI томовъ. При этомъ мы можемъ, къ истинной радости всѣхъ любителей духовнаго просвѣщенія и науки, сообщить совершенно достоверное извѣстіе, что покойнымъ Владыкою совершенно изготовленъ къ печати и слѣдующій XII томъ исторіи, который и выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени, какъ послѣднее посмертное сочленіе ученаго архіепископа.

Высокая личность покойнаго Владыки, по своимъ выдающимся талантамъ и его широкая, разносторонняя и многоплодная дѣятельность на поприщѣ служенія церкви, отечеству и больше всего богословской наукѣ и духовному просвѣщенію, — безъ всякаго сомнѣнія, имѣютъ значеніе историческое и займутъ видное мѣсто въ исторіи русской церкви и богословской науки. Исторія скажетъ объ нихъ свое безпристрастное и правдивое слово, лучше современниковъ оцѣнитъ свѣтлую и великую личность митрополита Макарія, и поставитъ его наряду съ самыми значительными іерархами Русской церкви, доблестными слугами святой церкви и своему отечеству. Но значеніе и вліяніе почившаго іерарха простирается и за предѣлы отечества, — на всю православную церковь. Во время погребальныхъ церемоній намъ пришлось сойтись съ однимъ просвѣщеннымъ единовѣрцемъ нашимъ профессоромъ одного высшаго учебнаго заведенія въ Москвѣ, урожденцемъ дальняго Востока, и услышать отъ него такое сужденіе о почившемъ: «я считаю покойнаго митрополита, сказалъ онъ, не Московскимъ только іерархомъ, но вселенскимъ; — онъ не нашъ только учитель и архіепископъ но и нашъ, и мы, люди дальняго, православнаго Востока, знаемъ, любимъ и почитаемъ и учимся по его сочиненіямъ». Такія слова сказанныя совершенно искренно, не требуютъ разъясненій. Но кромѣ собственно нравственнаго и ученаго авторитета и значенія, покойный принималъ живое и дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ единовѣрнаго намъ Востока, по скольку они были предметомъ сужденія и заботъ русской церковной власти. Мы не посвящены, конечно, въ тайны совѣщаній и рѣшеній С. Синода, но имѣемъ основанія думать, что когда Св. Синоду Россійской церкви приходилось дать свое мнѣніе и сужденіе о церковныхъ дѣлахъ Востока, то голосъ Московскаго митрополита Макарія всегда имѣлъ въ этомъ случаѣ большой вѣсъ и авторитетъ и выслушивался съ уваженіемъ къ нему, — потому что его сужденіе было — мужа мудраго, вооруженнаго при томъ глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ дѣлъ и судебъ церкви. Точно также онъ принималъ дѣятельное, живое и ближайшее участіе во всѣхъ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія отечественнаго, — и внесъ большой вкладъ своихъ талантовъ, своихъ обширныхъ познаній, своего ума и труда во всѣ церковныя дѣла, преобразованія и начинанія послѣдняго времени, ежегодно съ августа 1868 г. присутствуя въ Св. Синодѣ, а въ санѣ митрополита сдѣлавшись постояннымъ

его членомъ: переберите всѣ важнѣйшія реформы и мѣропріятія по духовному вѣдомству — преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній, проектъ судебной реформы и т. д., — вездѣ было видное и дѣятельное, а часто первенствующее участіе покойнаго Владыки.

Истинный и преданный сынъ церкви, глубокой знатокъ и охранитель ея вѣрованій и преданій, всегда строгій блюститель порядка и закона, консерваторъ по самой натурѣ своей, несклонной къ насильственной ломкѣ установленнаго порядка жизни и крутымъ мѣрамъ, — онъ тѣмъ не менѣе всегда ясно понималъ необходимость измѣненія и улучшенія, соответственно историческимъ условіямъ времени, многихъ сторонъ церковной жизни, всегда сочувственно отнесся ко всѣмъ разумнымъ реформамъ и мѣропріятіямъ, и искренно радовался, видя добрые плоды ихъ. Въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, не оставалось безъ вліянія его глубокое историческое знаніе и наблюденіе церковной жизни, и такъ сказать, тактъ и прозорливость историка, вынесенные имъ изъ продолжительныхъ, внимательныхъ занятій историческихъ. Но широкий, ясный и просвѣщенный наукою умъ покойнаго Владыки не замыкался исключительно въ сферѣ церковныхъ предметовъ и дѣлъ, — онъ отличался столь же яснымъ и широкимъ взглядомъ и на дѣла государственныя и столь же глубокимъ пониманіемъ ихъ. Всякое доброе и разумное явленіе и движеніе въ жизни гражданской находило въ немъ живое сочувствіе, правильную оцѣнку, — и онъ съ любовію снѣшилъ святить его архіепископскою молитвою и призвать на него Божіе благословеніе. Не ходя за примѣрами въ даль воспоминаній, мы припомнимъ только его простыя краткія, но прочувствованныя, и потому производившія глубокое впечатлѣніе на слушателей, слова, сказанныя имъ при открытіи памятника Пушкину и Всероссійской выставки въ Москвѣ, и его пожеланія по этому поводу. Въ первомъ случаѣ онъ высказалъ молитвенное желаніе, чтобы зрѣла на Руси здоровая мысль, чтобы развивалось и крѣпло русское слово, чтобы больше нарождалось въ Россіи великихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ проявленія духа. — «Да благословляетъ Господь и всякій трудъ въ нашемъ возлюбленномъ отечествѣ, направленный къ его пользѣ, и да прсвѣтаетъ оно болѣе и болѣе, при нашихъ дружныхъ усиліяхъ и трудахъ на всѣхъ ступеняхъ государственной жизни, подѣ державой Богомъ дарованнаго намъ царственнаго Вождя, Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича», — заключилъ онъ свою рѣчь, сказанную имъ еще такъ недавно при открытіи выставки. И слово его, при его высокомъ и общепризнанномъ авторитетѣ, при высокомъ уваженіи къ нему всѣхъ, — производило особенно сильное и благотворное впечатлѣніе. Владыка Макарій былъ мужъ высокаго ума, и не только отечественная церковь въ лицѣ его потеряла знаменитаго и просвѣщеннѣйшаго іерарха своего, но и вся русская земля одного изъ лучшихъ своихъ гражданъ и сыновъ, какіе являются не часто. И долго и больно будетъ чувствоваться отсутствіе этого мужа, исполненнаго высокими силами духа, и не въ одной только наукѣ духовной и совѣтахъ церковнаго управленія...

Но особенно близко и дорогою покойному стихією, къ которой наиболѣе направлялись его сочувствія, которой онъ особенно посвятилъ свои богатые силы и таланты, весь неустанный трудъ всей своей жизни, — была наука, и по преимуществу церковно-историческая. Здѣсь не мѣсто входить

въ подробную оцѣнку его ученыхъ трудовъ,—довольно сказать, что они доставили своему автору громкую европейскую извѣстность, и подобныхъ имъ въ нашей духовной наукѣ не было, да по всей вѣроятности долго еще и не будетъ. Но мы не можемъ умолчать здѣсь о сердечнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и всегда сочувственныхъ и благожелательныхъ отношеніяхъ покойнаго владыки ко всякому умственному труду, какъ бы онъ ни былъ малъ, ко всѣмъ труженикамъ науки и просвѣщенія, какъ бы они скромны ни были,—и о тѣхъ его жертвахъ, какія онъ принесъ на пользу духовнаго просвѣщенія. Намъ, напримѣръ очень живо,—какъ будто это сейчасъ было,—представляется первое посѣщеніе Владыкой, вскорѣ по прибытіи его въ Москву, Московской семинаріи, свидѣтелемъ котораго намъ пришлось быть. Владыка пріѣхалъ совершенно неожиданно и безъ предупрежденія; въ семинаріи въ это время шли экзамены. Онъ вошелъ въ ближайшій отъ входа 4 классъ, гдѣ въ это время происходилъ экзаменъ по Психологіи. Понятное дѣло,—произошло общее смущеніе при неожиданномъ появленіи, да еще въ первый разъ, столь высокаго посѣтителя. Но онъ съ своимъ яснымъ, кроткимъ и ласковымъ взглядомъ благословилъ всѣхъ и просто поздоровался со всѣми, самъ сѣлъ на простой свободный стулъ за простой ничѣмъ не покрытый столъ, и всѣхъ пригласилъ садиться и продолжать свое дѣло, какъ бы его и не было. Простота и ласковость обращенія, снисходительность, съ которою онъ выслушивалъ ученическіе отвѣты на вопросы, которые онъ иногда предлагалъ самъ, очень скоро уничтожили всякое смущеніе. Всѣ почувствовали себя свободно, оживленно и радостно, и дѣло пошло, какъ не надо быть лучше. Посидѣвши нѣкоторое время Владыка всталъ, сказалъ нѣсколько добрыхъ словъ всѣмъ, пожелалъ ученикамъ хорошо сдать экзамены и простившись вышелъ. Посѣщеніе Владыки составило истинный праздникъ для заведенія. — По крайней мѣрѣ пишущему эти строки и до сихъ поръ памятно это посѣщеніе и сейчасъ возбуждаетъ благоговѣйное чувство глубокой благодарности къ покойному Владыкѣ за его истинно человѣчное отношеніе къ скромнымъ и, быть можетъ, незначительнымъ, но тяжелымъ и не всегда благодарнымъ трудамъ людей работающихъ на поприщѣ ученія и воспитанія подростящихъ поколѣній, и которымъ поэтому дорого вниманіе въ особенности такихъ лицъ, какъ покойный владыка. Съ такимъ же чувствомъ вспоминаются намъ и резныя представленія владыкѣ служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ: привѣтливо, въ высшей степени деликатно относился онъ и принималъ всякаго, при этомъ всегда вспоминалъ если представлявшійся начекалъ какую нибудь статью въ журналахъ, и одобрительно относился объ ней, хотя бы статья была и незначительная. Также точно онъ держалъ себя и при ревизіи академій и при всякомъ другомъ посѣщеніи духовныхъ заведеній. Но Владыка не только однимъ сочувствіемъ ободрялъ и поддерживалъ ученые труды и занятія,—онъ оказывалъ въ этомъ случаѣ и матеріальную помощь. Извѣстенъ напр. фактъ, что одинъ капитальный трудъ по церковной исторіи явился въ свѣтъ, благодаря его субсидіи—и эта помощь тѣмъ больше дѣлаетъ чести благородству характера покойнаго, что оказана была его до нѣкоторой степени ученому противнику, который во многихъ случаяхъ не раздѣляетъ его мнѣній и взглядовъ по церковной исторіи. Всѣмъ извѣстны также его щедрія пожертвованія, сдѣланныя на пользу и поощреніе отечественнаго просвѣщенія и духов-

ной науки. Въ 1867 г. онъ пожертвовалъ капиталъ во 120 тысячъ рублей на учрежденіе премій за лучшія сочиненія по всѣмъ отраслямъ наукъ; въ томъ же году онъ пожертвовалъ въ пользу духовно-учебныхъ заведеній, составленное имъ «Руководство къ изученію православнаго догматическаго Богословія»; въ 1869 г. имъ сдѣлано новое пожертвованіе въ 25 тысячъ рублей для учрежденія въ Кіевской академіи ежегодной преміи за лучшія сочиненія; въ 1879 г. при переходѣ на Московскую митрополию владыка пожертвовалъ 2 т. рублей на учрежденіе въ Литовской семинаріи стипендіи его имени¹⁾. Люди близкіе къ покойному говорятъ, что всѣмъ деньгамъ, получаемымъ отъ продажи сочиненій, онъ велъ особый счетъ и всѣ сполна жертвовалъ ихъ на помощь и поощреніе научныхъ трудовъ и занятій. Рѣдкая и въ высшей степени благородная черта ученаго безкорыстія! Точно также покойный Владыка всегда охотно принималъ на себя ходатайство о разныхъ нуждахъ учебныхъ заведеній и служащихъ въ нихъ лицъ: такъ на другой день смерти его въ Московской семинаріи получена официальная бумага о прибавкѣ жалованья, по ходатайству покойнаго, къ штатному окладу служащихъ въ семинаріи 3 т. рублей ежегодно. Извѣстны также случаи, что по его ходатайству и настояніямъ устраняемы были иногда разныя затрудненія въ присужденіи высшихъ ученыхъ степеней въ духовныхъ академіяхъ. Если бы нужно было, то мы могли бы указать и еще много фактовъ, свидѣтельствующихъ о самомъ сердечномъ и участливомъ отношеніи покойнаго Владыки къ дѣлу просвѣщенія и науки: самъ всецѣло и беззаветно преданный наукѣ, самъ глубоко понимавшій цѣну и значеніе, а съ другой стороны и трудность научной работы, онъ съ глубокимъ уваженіемъ, вполне гуманно и терпимо относился ко всякому умственному научному труду, какъ бы онъ малъ и незначителенъ ни былъ. И если въ лицѣ его отечественная богословская наука понесла тяжелую утрату, то не менѣе тяжелую потерю понесли въ немъ и труженики этой науки, потерявши въ немъ снисходительнаго цѣнителя своихъ трудовъ, мощнаго заступника и покровителя въ своихъ нуждахъ и печаляхъ.

Очень много симпатичныхъ чертъ можно указать и въ личномъ характерѣ покойнаго Владыки и въ его образѣ жизни, которыя производили весьма пріятное впечатлѣніе на всѣхъ входившихъ съ нимъ въ сношенія. Наружность его была очень пріятная, взглядъ ясный, живой, манеры изящныя; держался онъ всегда ровно, спокойно, съ достоинствомъ, но всегда совершенно естественно и просто. Вся фигура его производила гармоническое и изящное впечатлѣніе. Въ обращеніи со всѣми, не взирая на лицо, онъ былъ всегда въ высшей степени вѣжливъ и ровенъ. Очень рѣдко бывало, чтобы онъ раздражился, а еще рѣже, чтобы онъ замѣтнымъ образомъ обнаружилъ это раздраженіе; есси же при его нервной натурѣ это иногда и случалось невольнo, то это никогда не отзывалось никакими неблагоприятными послѣдствіями для другихъ; а чаще всего, по свидѣтельству близкихъ людей, Владыка извинялся въ своихъ невольныхъ вспыш-

¹⁾ Въ формулярномъ спискѣ покойнаго записана признательность Св. Синода еще за пожертвованіе имъ въ родное село Сурково 12 т. руб., на сооруженіе церкви и покупу колокола. Кстати здѣсь замѣтимъ, что всѣ цифры, приводимыя въ нашемъ некрологѣ вполне достовѣрны, потому что заимствованы изъ формулярнаго списка, исправленнаго собственноручно покойнымъ владыкою.

кахъ и рѣзкостяхъ даже передъ людьми прислуживавшими ему. Вообще люди, близко стоявшіе къ покойному и имѣвшіе съ нимъ ежедневныя сношенія, съ благоговѣніемъ отзываются о покойномъ и съ глубокою признательностью говорятъ о необыкновенномъ благородствѣ и деликатности его характера, который обнаруживался во всѣхъ его отношеніяхъ къ людямъ, не исключая и самыхъ незначительныхъ мелочей. Въ своихъ привычкахъ покойный Владыка былъ очень скромный и умѣренный. Образъ жизни его былъ размѣренъ и рассчитанъ по минутамъ, и отъ однажды заведеннаго порядка жизни онъ никогда не отступалъ; весь его день былъ распределенъ такъ, что большая часть времени приходилась на серьезныя умственныя занятія. На служебныя дѣла у него были опредѣленные часы; доступъ къ нему въ эти часы былъ свободенъ всякому, пустыхъ рѣчей онъ не любилъ, дорожа временемъ и своимъ и чужимъ, а требовалъ быстрого, краткаго и яснаго изложенія дѣла, которое большею частью тутъ же и рѣшалось. Рѣшенія его отличались строгою справедливостію и основывались на законѣ; проволочки въ дѣлахъ не было.

Но несмотря на свои высокія достоинства и привлекательныя качества почившій архипастырь, какъ извѣстно, имѣлъ въ Москвѣ и недоброжелателей. Вражда къ нему, и вражда ожесточенная нашла себѣ выраженіе и въ извѣстнаго сорта печати, достойной впрочемъ всякаго сожалѣнія; и безтактность этихъ органовъ печати дошла до того, что они не воздержались даже отъ осужденія почившаго въ торжественныя минуты его погребенія, — минуты, которая чтутся свято не христіанами только, но и язычниками. Не время и не мѣсто надъ свѣжею могилою великаго архипастыря разбирать тѣ обвиненія, которыя ввоздили на него человѣческое неразуміе и страсти. Намъ кажется, умѣстнѣе въ этомъ случаѣ высказать глубокое чувство скорби и печали, что не умѣли достаточно оцѣнить высокія качества архипастыря, примѣшавши чистое лая его къ мелкимъ и не чистымъ дѣламъ и распрямъ, которыхъ онъ былъ совершенно чуждъ, — что не сумѣли оправдать того довѣрія, которое онъ оказывалъ предоставляя самимъ устроить мирно, согласно и разумно дѣла приходскія, и чего онъ въ правѣ былъ ожидать отъ образованнаго столичнаго духовенства и общества, а вмѣсто того нѣкоторые своими распрами причинили почившему не мало горькихъ и скорбныхъ минутъ и его же за его снисхожденіе и долготерпѣніе подвергали даже печатно хуламъ и клеветамъ, что даже въ храмѣ Божіемъ хотѣли дѣйствовать по своему произволу, а не по закону и на законѣ основанному порядку, на которомъ такъ настаивалъ, и который такъ любилъ покойный Владыка... Да, справедливо можно сказать, что мало берегли свое достоинство и честь и спокойствіе покойнаго Владыки, въ этомъ великая вина передъ нимъ, въ которой нужно покаяться. Въ этомъ случаѣ только въ новой формѣ повторилась очень старая и, къ нашему несчастію, обычная въ нашей жизни исторія, что среди преданныхъ своимъ мелкимъ, низменнымъ и своекорыстнымъ интересамъ трудно и тяжело живетъ людямъ болѣе высокаго и чистыхъ стремленій, — и въ наказаніе Господь рано беретъ отъ насъ этихъ своихъ избранниковъ...

Миръ праху твоему и вѣчная память тебѣ, великій и незабвенный святитель Божій! Прости насъ и помолись предъ престоломъ Всевышняго, Которому ты теперь предстоишь, чтобы Онъ чаще посылалъ своей церкви такихъ же мудрыхъ пастырей, какъ ты, чтобы утвердилъ въ людяхъ [православ-

ныхъ вѣру и благочестіе, и смирилъ ихъ страсти и гордыню, чтобы отечеству нашему послалъ миръ, тишину и благоденствіе...

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ.

Высокопреосвященный Макарій окончилъ дни свои въ загородномъ архіерейскомъ домѣ близъ Москвы въ селѣ Чернизовѣ. Село это, находящееся за Преображенскою заставою, принадлежало нѣкогда великому святителю Алексію; къ тому же времени относится древняя церковь села во имя Іліи Пророка. Предъ церковью лежитъ довольно большой прудъ; и въ вѣковой липовой и березовой рощѣ, окруженной каменною оградой, стоитъ построенный въ русскомъ стилѣ архіерейскій домъ, лѣтняя резиденція московскаго владыки. Все въ этомъ домѣ дышетъ патриархальною простотою и носитъ печать монашеской жизни ея обитателя. Пологая лѣстница ведетъ въ широкія сѣни. Изъ сѣней направо дверь въ крестовую церковь, прямо въ пріемный залъ митрополита. Далѣе идетъ гостиная съ выходомъ на большую стеклянную галерею, ведущую въ тѣнистый садъ и въ маленькую комнатку со стеклянными дверьми, служащими боковымъ входомъ въ алтарь крестовой церкви. Здѣсь владыка слушалъ обѣдню и стоялъ на утренней и вечерней молитвѣ. Изъ той же гостиной идутъ двери въ маленькую столовую, откуда ходъ въ коридоръ, въ кабинетъ, бібліотеку и спальню покойнаго. Всюду простой сосновый паркетъ покрытый половиками въ проходныхъ мѣстахъ, печи изъ старинныхъ изразцовъ, и голыя, ничѣмъ не украшенныя бревенчатыя стѣны. Самый внимательный взглядъ не откроетъ во всемъ убранствѣ дома не только предметовъ роскоши, но и комфорта. Въ пріемныхъ комнатахъ нѣтъ зеркалъ, нѣтъ картинъ и старинные образа не имѣютъ ризъ. Единственнымъ украшеніемъ стѣвъ служатъ повѣшенные въ гостиной портреты: Государя Императора, Государыни Императрицы и Великаго Князя Сергія Александровича въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ пріемныхъ комнатахъ и галереѣ стоятъ стулья и самая простая мягкая мебель, покрытая шерстяною сѣрою матеріей. Въ маленькой спальнѣ покойнаго обстановка еще проще и скромнѣе. Простая желѣзная крашеная кровать заурядной работы, на кровати набитый волосомъ матрацъ, двѣ небольшія подушки и простое пикейное одѣяло. У кровати маленькій коврикъ на полу, у другой стѣны исецевый диванъ и нѣсколько такихъ же жесткихъ полукресель, обитыхъ черною американскою клеенкой, ясеневый комодикъ и шкафъ съ домашними одеждами владыки. Между двухъ оконъ съ деревянными сторами, безъ гардинъ, стоитъ простой столъ, на которомъ лежитъ костяной съ поломанными зубьями гребень и маленькое зеркальце величиной съ ладонь. Въ простѣнѣ виситъ другое зеркало въ поддѣланной подъ орѣхъ рамѣ, въ три четверти аршина длиною. За то рядомъ, въ узенькой комнаткѣ, въ бібліотечномъ шкафѣ много цѣнныхъ, рѣдкихъ книгъ на различныхъ языкахъ, преимущественно богословскаго и историческаго содержанія. Вообще въ книгахъ въ покояхъ владыки нѣтъ недостатка. Ихъ особенно много въ выходящей въ садъ галереѣ, гдѣ онъ обыкновенно занимался и гдѣ скончался. Рядомъ съ ясеневой конторкой, у которой онъ писалъ, стоитъ столъ уложенный книгами. Заглавія ихъ указываютъ на занятія покойнаго: тутъ мы видимъ *Летописи Величка*, *Исторію польскаго государства* Бандке, рукопись *сношенія Россіи съ Востокомъ* Муравьева. Нѣсколько томовъ: «The Patriarch and the Tsar; The condemnation of»

Nison, William Palmer'a, рукописи по судному дѣлу патриарха Никона и много другихъ источниковъ, изъ которыхъ владыка бралъ матеріалъ для своего колоссальнаго труда. Въ этой галлерей все живо напоминаетъ усопшаго; здѣсь еще ничего не прибирали и все указываетъ на то—что именно здѣсь порвалась его дѣятельность. Нѣкоторыя книги еще раскрыты, на столѣ у дивана лежатъ его бархатная скуфейка, очки въ серебряной простой оправѣ и номеръ «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 9 июня.

Въ Бозѣ почившій архипастырь велъ чрезвычайно строгую и въ то же время аккуратную жизнь. Одинъ день ходилъ на другіе. Живя лѣтомъ въ Черкизовѣ, онъ вставалъ постоянно въ 5 часовъ, одѣвался безо всякой помощи, затѣмъ закрался и молился. Въ началѣ седьмого часа кушалъ чай и до семи писалъ стоя у конторки *Исторію Церкви*. Владыка всегда писалъ не иначе, какъ стоя. Въ 7 часовъ онъ гулялъ въ рошѣ аккуратно полчаса, не смотря ни на какую погоду, и возвратившись писалъ до девяти часовъ. Въ 9 являлся секретарь и по окончаніи занятій съ нимъ, высокопреосвященный принималъ просителей. Это продолжалось обыкновенно до половины 12-го или до 12 часовъ, затѣмъ въ 12 владыка купался, гулялъ въ рошѣ и кушалъ въ половинѣ перваго. Обѣдъ владыки былъ чрезвычайно скромный. Въ послѣднее время за обѣдомъ владыка выпивалъ полрюмки такъ называемаго Рафаэлевскаго вина (лѣкарственное вино содержащее къ себѣ желѣзо). Нѣсколько бутылокъ этого вина было ему прислано въ даръ княземъ В. А. Долгоруковымъ. Затѣмъ владыка ходилъ по комнатамъ, отдыхалъ и до половины четвертаго читалъ книги духовнаго содержанія, послѣ чего снова занимался, а въ шестомъ часу пилъ чай и писалъ до 8-го, въ 8-мъ купался и погулявъ въ рошѣ, принимался за выписываніе отрывковъ для своего труда. Въ 11 часовъ, послѣ продолжительной молитвы, владыка отходилъ ко сну.

Постоянно занятый заботами о паствѣ, духовнымъ и непосильнымъ физическимъ трудомъ, владыка несмотря на аккуратную жизнь, нуждался въ подкрѣпленіи силъ. Такимъ подкрѣпленіемъ служило ему по совѣту врачей лѣтнее купанье. Приближенные свидѣтельствуютъ, что онъ купался десятки лѣтъ къ ряду, начиная аккуратно съ конца мая. По запискамъ его келейника, онъ началъ купанье въ прошломъ году съ 27, а въ нынѣшнемъ съ 29 мая. Въ прежнее время онъ охотно исполнялъ это предписаніе, но въ нынѣшнемъ году началъ имъ тяготиться. Въ день кончины, 9 июня, владыка постоянно смотрѣлъ на термометръ и только по увѣренію келейника, что «сегодня особенно тепло» рѣшился отправиться въ купальню. Раздѣваясь онъ жаловался на неприятное ощущеніе въ правомъ плечѣ, приписывая это простудѣ отъ холодной воды и замѣтилъ, что вообще въ послѣднее время онъ не чувствовалъ отъ купанья пользы.

Впрочемъ, въ день кончины, владыка чувствовалъ себя хорошо и даже былъ оживленъ болѣе обыкновеннаго.

(Московск. Вѣд).

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРИСНОПАМЯТНОМЪ МИТРОПОЛИТѢ МАКАРІИ.

До назначенія своего на Московскую митрополию, нынѣ оплакиваемый ею въ Бозѣ почившій архипастырь былъ архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ. До назначенія на эту кафедру, въ качествѣ очереднаго члена Св. Синода, онъ впервые прибылъ въ Вильну на отпѣваніе знаменитѣйшаго

по дѣлу воссоединенія униатовъ съ православіемъ Литовскаго митрополита Іосифа (Симашко). Этотъ великій историческій дѣятель нашей церкви отошелъ въ вѣчность 23 ноября 1868 года. Слово, произнесенное высокопреосвященнымъ Макаріемъ при отпѣваніи его и вслѣдъ за тѣмъ напечатанное въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», произвело глубокое впечатлѣніе на слушателей и заставило ихъ желать чтобы преемникомъ митрополита Іосифа назначенъ былъ бывший при его отпѣваніи и уже прославленный ученый іерархъ. Исполненіе этого желанія не заставило долго себя ожидать. Вскорѣ послѣдовалъ вторичный пріѣздъ въ Вильну высокопреосвященнаго Макарія въ качествѣ епархіальнаго начальника.

Въ первое же Богослуженіе онъ произнесъ къ новой своей паствѣ високопапидательное церковное поученіе, которое въ свою очередь глубоко взволновало слушателей и надолго сдѣлалось предметомъ толковъ не только въ Вильнѣ, но и во всемъ сѣверо-западномъ краѣ, быть можетъ и далѣе его предѣловъ.

Въ тотъ же день къ вечеру, бывший тогда попечителемъ Виленскаго Учебнаго Округа П. И. Батюшковъ поручилъ мнѣ отъ своего имени просить у высокопреосвященнаго рукопись произнесеннаго имъ «слова» и разрѣшеніе напечатать его въ ближайшемъ номерѣ «Виленскаго Вѣстника».

Архипастырь тотчасъ принялъ меня съ обычнымъ своимъ благодушіемъ и на переданную мною просьбу съ неподдѣльною простотой отвѣчалъ, что при полной готовности не можетъ исполнить ее, потому что у него самого не было и нѣтъ еще этой рукописи. Тутъ впервые узналъ я изъ устъ самого краснорѣчиваго архипастыря что во дни совершенія Богослуженія предшествовавшее къ нему приготовленіе и самое священнодѣйствіе подчинили себѣ обычный порядокъ его трудового дня. Два, три утренніе часа между приготовленіемъ къ богослуженію и совершеніемъ его оставались свободными. Въ эти часы онъ не позволялъ себѣ отвлекаться отъ мысли о священнодѣйствіи обычными и любимыми учеными занятіями. Этихъ часовъ было достаточно ему, чтобы избрать предметъ, придумать содержаніе и составить планъ церковнаго поученія, но не написать его. Съ полною откровенностію рассказывалъ онъ тогда, что предъ каждымъ предстоявшимъ ему поученіемъ всегда могъ поручиться за добросовѣстно обдуманное приготовленіе къ нему, но никогда не могъ ручаться за его редакцію: послѣдняя всегда зависѣла отъ состоянія его здоровья и всего болѣе отъ тѣхъ требованій какия по его впечатлѣніямъ во время произнесенія поученія могъ предъявлять къ нему тотъ или другой личный составъ предстоявшихъ предъ нимъ слушателей. Пораженный искренностію этого неожиданнаго признанія и побѣжденный простотой, съ которою оно было высказано, я не сразу побѣрилъ искренности святителя и не скрывая моего удивленія спросилъ, неужели и то выходящее изъ ряда привычныхъ ему церковныхъ поученій «слово», которое было произнесено при отпѣваніи такого историческаго іерарха каковъ былъ почившій его предѣстникъ, не было написано до произнесенія. Послѣ утвердительнаго отвѣта высокопреосвященный разговаривалъ о томъ, что не признавалъ въ себѣ высокаго дара церковнаго ораторства, что съ церковной кафедры обыкновенно говорилъ то что было у него на мысли, и такъ, какъ было на сердцѣ въ то время, когда говорилъ, но что это не особенный даръ, но простой навыкъ прибрѣтенный со ступ-

денчества и постепенно развитый въ продолженіе многолѣтняго церковнаго служенія. При этомъ святитель разсказалъ что въ то время когда онъ былъ студентомъ Кіевской академіи, ректоромъ ея былъ, въ санѣ епископа, даровитѣйшій церковный ораторъ, въ послѣдствіи знаменитый архіепископъ Херсонскій Иннокентій. У этого ректора было въ обычаѣ во время литургіи послѣ перваго архіерейскаго входа въ алтарь призывать одного изъ студентовъ и поручать ему произнести поученіе на такой то текстъ. Призванный студентъ долженъ былъ тотчасъ же въ алтарѣ стать къ сторонкѣ предъ аналоемъ, на которомъ лежала Библия, и тутъ же обдумать свое поученіе. Слѣдовавшій потомъ въ присутствіи всѣхъ студентовъ одобрительный или неодобрительный, но всегда обстоятельный разборъ сказаннаго экспромптномъ поученія сперва студентами, а потомъ и самимъ ректоромъ признавался студентами выше всякой награды и тяжелѣе суроваго выговора. Обычно ожидаемое каждымъ изъ нихъ невольное и публичное самоупражненіе и самоиспытаніе въ наукѣ и искусствѣ церковнаго поученія облегчалось только тѣмъ, что его текстъ избирался ректоромъ почти всегда изъ очереднаго евангельскаго чтенія, а потому каждый студентъ предварительно обдумывалъ его и по необходимости посвящалъ Богомыслию часы предшествующіе праздничному богослуженію.

Помню какъ теперь что на вопросъ мой, когда же обычно записывалъ высокопреосвященный произнесенныя имъ церковныя слова и поученія, онъ сказалъ что если досугъ позволялъ, то въ день произнесенія къ вечеру могъ записывать слово въ слово, а утромъ на слѣдующій день не всегда съ буквальною точностію; если же не оказывалось досуга записать сказанное поученіе въ первые два, три дня по произнесеніи, то чтобы не затрачивать много времени на буквальное возстановленіе сказаннаго текста, онъ предпочиталъ вовсе не записывать его.

Въ заключеніе этой первой въ моей жизни и почти часовой съ нимъ бесѣды высокопреосвященный сказалъ что ставилъ себя въ непремѣнную обязанность записать произнесенное имъ въ тотъ день слово, но съ самаго утра не имѣлъ ни минуты досуга, а потому и постарается записать его завтра утромъ, такъ какъ съ вечернимъ поѣздомъ предстоялъ ему неотложный отъѣздъ въ Петербургъ.

Архипастырь сдержалъ обѣщаніе, и П. Н. Батюшковъ былъ очень обрадованъ, получивъ отъ него на утро рукопись «слова» карандашомъ. Тогда же была снята съ нея копія для печати, а подлинная и теперь хранится въ портфель собираемыхъ П. Н. Батюшковымъ автографовъ.

На слѣдующій годъ во время вакацій въ Синодѣ высокопреосвященный Макарій пріѣхалъ въ свою епархію, отправлялъ Богослуженіе и произносилъ церковныя поученія въ каждый воскресный и праздничный день, а жилъ на дачѣ Литовскихъ іерарховъ, въ живописномъ Трипольѣ. Однажды за вечернимъ у него чаемъ въ Трипольѣ разговорился онъ со мной о знаменитомъ сподвижникѣ митрополита Іосифа архіепископѣ Антоніи (Зубко). Этотъ благодунѣйшій изъ знаемыхъ мною іерарховъ, такъ еще недавно печатавшій свои статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ 1848 году оставилъ Минскую архіепископскую кафедру и жилъ «на покой» сперва въ Жировицкомъ монастырѣ, Минской губерніи, а съ 1864 или 1865 года переѣхалъ въ Пожайскій монастырь, въ девяти верстахъ отъ города Ковны, гдѣ и теперь по милости Божіей 84 лѣтнимъ старцемъ радуется многочисленнымъ своимъ

почитателей ясностію своего ума, но отнюдь не тѣлесными силами, потому что онъ едва теплится въ немъ. На обращенный ко мнѣ Владыкой вопросъ, почему высокопреосвященный Антоній такъ скоро оставилъ свою кафедру, я разсказалъ, что зналъ лично отъ самого маститаго іерарха. Когда въ разсказѣ я коснулся того, что онъ не имѣлъ расположенія къ административной дѣятельности, высокопреосвященный Макарій благодушно улыбнулся и откровенно сознался въ своемъ нерасположеніи къ этой дѣятельности. «Давно бы отпросился и я на покой, илибъ имѣлъ на то какое нибудь право», говорилъ Владыка. На вопросъ мой что же мѣшаетъ, онъ сказалъ что онъ монахъ и какъ монахъ связанъ обѣтомъ безусловнаго послушанія.

Очень прошу вѣрить, что и вдали отъ раскрытаго гроба, но въ чувствѣ благоговѣйнаго къ нему почтенія передаю конечно не въ тѣхъ словахъ въ коихъ почти за 14 лѣтъ до сего дня слышалъ, но по содержанию именно то что тогда внимательно выслушалъ изъ устъ почивающаго въ этомъ гробѣ святителя. Случайно высказанныя имъ обѣ черты высокой его души равно характерны и замѣчательны. Будучи глубоко ученымъ богословомъ, онъ никогда не позволялъ себѣ обращаться ко своей паствѣ съ церковнымъ поученіемъ безъ заботливаго къ нему приготовленія, и пройдя въ своей жизнедѣятельности по мѣрѣ постепеннаго роста своей духовной силы всѣ степени священно-іерархической лѣстницы, не искалъ и не просилъ, но принималъ ихъ по обѣту монашескаго послушанія.

Въ наши дни, дни истощенія высшихъ нравственныхъ идеаловъ, духовнаго оскудѣнія, душевнаго очерствѣнія, нравственной распушенности, измельчанія характеровъ, мечтательнаго политиканства и хищническаго эгоизма, въ наши дни каждому изъ насъ обязательно и полезно доспрашиваться у себя и отъ своей личной жизни, въ чему каждый въ ней стремится и что кромѣ себя въ ней любить. О, какъ много наберется и какихъ безсодержательныхъ отвѣтовъ! И вотъ среди этой массы безсодержательности, обличающей душевную нашу пустоту, въ оправданіе своихъ почитателей и въ обличеніе худителей почившій святитель, на вопросъ что онъ любилъ въ жизни, могъ бы въ назиданіе всѣмъ намъ указать на многотысячя и прославленные на обоихъ полушаріяхъ произведенія своего духа.

Помолимся же чтобы просвѣщающей и освящающей духъ истиннаго ученія скорѣе снесъ съ лица нашей земли всѣ вихри иссушающихъ и опустошающихъ нашу душу лжеученій и разогналъ нависшія надъ нашими умственнымъ и духовнымъ горизонтомъ тучи невѣдѣнія, невѣрія, мрака и скорби. О, будемъ обѣ этомъ молиться, горячо молиться, въ томъ свѣтломъ упованіи что не изсякла же творческая сила нашей отечественной Церкви и нашей родной земли, если на нашихъ глазахъ жили такіе дѣлатели какъ митрополитъ Макарій. (Москов. Вѣд.).

Петербургъ,
14 іюня 1882 года.

МИТРОПОЛИТЪ МАКАРІЙ КАКЪ БОГОСЛОВЪ.

Для характеристики богословскихъ трудовъ въ Бозѣ почившаго митрополита Макарія, приводимъ составленный по порученію Академіи Наукъ знаменитымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ Херсонскимъ, учителемъ покойнаго, отзывъ о его *Православномъ Догматическомъ Богословіи*.

«Разсматриваемое нами сочиненіе—говорилъ еще въ 1852 году Иннокентій—составляетъ рѣдкое и самое отрадное явленіе въ нашей богословской литературѣ, подобнаго коему она давно не видала на своемъ горизонтѣ и, по всей вѣроятности, не скоро увидитъ опять. Самыя иностранныя богословскія литературы, не смотря на ихъ давнее развитіе и вѣковыя усовершенствованія, не представляютъ, особенно въ наше время, творенія съ такими достоинствами какъ православная догматика преосвященнаго Макарія... Самая большая заслуга автора состоитъ въ томъ что въ сочиненіи его въ первый разъ изображены, со всею силой и убѣдительною, ученымъ и вмѣстѣ улобопытнымъ языкомъ тѣ догматы и положенія, коими православная церковь Восточная отличается ото всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій христіанскихъ.

«За исходную точку догматики или за начало ея преосвященный Макарій принялъ самое понятіе о христіанской религіи, которая по существу своему есть не просто только первобытная религія или естественный союзъ человѣка съ Богомъ, какъ было до паденія человѣка, но религія въ ея дополненіи чрезъ откровенія видѣ, какъ союзъ падшаго человѣка съ Богомъ, возстановленный сверхъестественно чрезъ таинство искупленія и благодати...

«Еще болѣе преимуществъ разсматриваемая нами догматика имѣетъ предъ всѣми прежними догматическими твореніями въ отношеніи къ методу или способу раскрытія истинъ Богословскихъ. Здѣсь каждый догматъ обзрѣвается и раскрывается со всѣхъ сторонъ, съ какихъ только онъ можетъ съ пользою явиться въ наукѣ: внимательный читатель, по прочтеніи каждаго трактата, поставляется въ состояніе самъ судить о догматѣ и въ его началѣ и основаніяхъ, и въ его историческомъ развитіи, и въ его отношеніяхъ къ началамъ разума, и въ его практическихъ послѣдствіяхъ для сердца и жизни.

«Разсмотрѣніе всегда открывается обстоятельнымъ изложеніемъ о предметѣ ученія церкви, какъ хранительницы православія,—условіе безъ исполненія коего православное Богословіе не было бы достойно своего имени и которое однако весьма мало исполнялось во всѣхъ прежнихъ Богословіяхъ. Авторъ, напротивъ, исполняетъ его со всѣмъ постоянствомъ... Такимъ образомъ учительницей догматовъ является у него сама церковь, а онъ служитъ ей только вѣрнымъ истолкователемъ и покорнымъ орудіемъ.

«За изложеніемъ ученія церкви у автора всегда слѣдуетъ подтвержденіе его изъ Священнаго Писанія: ибо церковь передаетъ намъ не свое ученіе и не отъ себя, а передаетъ токмо то что, открыто самимъ Богомъ чрезъ пророковъ и апостоловъ въ ихъ писаніяхъ или преданіяхъ... Эта сторона догматики у преосвященнаго Макарія превосходнѣе, чѣмъ въ прежнихъ сочиненіяхъ этого рода...

«Изложеніе догматовъ по смыслу Св. Писанія возвышается и получаетъ всегда новую цѣну у преосвященнаго Макарія тѣмъ, что вслѣдъ за указаніемъ на существованіе ихъ въ Св. Писаніи, всегда и съ подробностію представляется какъ сіи же самые догматы постоянно существовали въ преданіи церкви Вселенской. Для сего въ каждой главѣ являются цѣлые ряды свидѣтелей сего преданія, отцы и учителя церкви первыхъ шести вѣковъ. Безъ сего всегда могъ возникнуть въ умѣ чителя вопросъ: а такъ ли понимали Св. Писаніе соборы вселенскіе и прежніе учителя церкви, какъ оно изъясняется въ догматикѣ, Преосвященный

Макарій первый вполне отвѣтилъ на сей важный вопросъ со всею полнотою и основательностію, и симъ оказалъ важную услугу Богословію какъ наукѣ.

«Не мало служить также къ поясненію догматовъ у автора то, что онъ, чего не дѣлали прежде, призываетъ на помощь исторію догматовъ, которая по важности своей давно составила изъ себя особую науку въ иностранной литературѣ, а у насъ оставалась въ забвеніи. Благодаря обширнымъ свѣдѣніямъ историческимъ, въ догматикѣ его при каждомъ случаѣ видимъ какъ и почему ученіе церкви касательно извѣстныхъ догматовъ опредѣлялось съ той или другой стороны, въ такихъ, а не другихъ выраженіяхъ, что весьма много помогаетъ болѣе глубокому уразумѣнію ученія церковнаго.

«Имѣя въ виду свойство духа времени благоразумно также поступилъ авторъ, давъ въ своей догматикѣ мѣсто для безпристрастнаго взора здраваго разума на догматы христіанскіе. Съ одной стороны, это служитъ для успокоенія пылливости умственной, особенно въ юныхъ читателяхъ, съ другой—составляетъ постоянное доказательство, что вѣра и откровеніе не боятся никакихъ сужденій и возраженій разума, и во всякомъ случаѣ только превышаютъ его логическое понятіе, но никогда не противорѣчатъ его началамъ, кои сами при углубленіи мысли въ ихъ источникъ, всѣ сводятся очочательно къ вѣрѣ въ истину того что необходимо представляется таковымъ въ нашемъ сознаніи. Теоретическія соображенія автора объ истинѣхъ христіанства всегда отличаются зрѣлостью, отчетливостью, основательностію и нерѣдко богатствомъ самыхъ разнородныхъ свѣдѣній, особенно въ тѣхъ случаяхъ гдѣ опровергаетъ онъ возраженія неправомыслящихъ, заимствованныя изъ разныхъ отраслей естествознанія, исторіи и другихъ наукъ. Въ этихъ соображеніяхъ, кои въ прежнихъ догматикахъ вовсе почти не имѣли мѣста по самой ихъ краткости, авторъ весьма удачно избѣгъ двухъ недостатковъ: направленія рационалистическаго, господствующаго нынѣ особенно въ Германіи, которое отвергая авторитетъ церкви и самой Библии, поставляетъ разумъ верховнымъ судіей вѣры и вслѣдствіе того отвергаетъ все, что есть въ христіанствѣ непостижимаго, и направленія схоластическаго, по коему разсуждавшіе о догматахъ по началамъ разума вѣдались обыкновенно въ излишнія діалектическія тонкости и занимались рѣшеніемъ вопросовъ не только не относящихся къ положительному ученію церкви и Библии, но и не содержащихъ въ себѣ никакой важности.

«Вообще догматика преосвященнаго Макарія представляетъ собою такую систему православно догматическаго Богословія, изъ которой всякій желающій можетъ изучать истины нашей православной вѣры основательно и во всей полнотѣ не только въ отношеніи къ вѣрѣ, но и въ приложеніи къ жизни...

«Она написана чистымъ; правильнымъ современнымъ русскимъ языкомъ, который легко можетъ быть понимаемъ каждымъ сколько нибудь образованнымъ и смыслящимъ человекомъ русскимъ... При особенномъ дарѣ автора выражаться о самыхъ возвышенныхъ предметахъ просто и ясно, онъ умѣлъ достигнуть въ своемъ сочиненіи высшей степени общепонятности. Со всею справедливостію можно сказать, что наука православно догматическаго Богословія, которая доселѣ была исключительно достояніемъ школы, выведена авторомъ изъ тѣсныхъ стѣнъ ея въ область широкаго общественнаго распространенія.

Вотъ отзывъ по истинѣ компетентнаго судьи.

Въ 1847 году, стало-быть ранѣе *Догматическаго Богословія*, издано было преосвященнымъ Макаріемъ *Введеніе въ православное Богословіе*, за которое онъ былъ возведенъ на степень доктора Богословія и удостоился получить наперсный крестъ, украшенный драгоценными камнями. Въ 1848 году была издана *Исторія христіанства въ Россіи до разномыслия князя Владиміра*, составляющая введеніе въ знаменитый и обширный трудъ усопшаго іерарха: *Исторію Русской церкви*, которой уже издано одиннадцать томовъ. Къ этому нужно присоединить *Исторію русскаго раскола* и *Исторію Кіевской Духовной Академіи*.

Въ служебномъ спискѣ іерарха значится, что онъ былъ профессоромъ по разнымъ богословскимъ предметамъ въ Кіевской и Петербургской духовныхъ Академіяхъ и былъ ректоромъ той и другой. Сильный дѣятель въ области духовнаго просвѣщенія, онъ былъ щедрымъ и великодушнымъ поощрителемъ труда другихъ. Собранный имъ отъ своихъ сочиненій капиталъ во 120 тысячъ рублей пожертвовалъ онъ на преміи за лучшіе ученые труды и 25 тыс. рублей на стипендію въ Кіевской Академіи и пр. Онъ былъ избранъ въ Академію Наукъ, былъ почетнымъ членомъ нѣсколькихъ университетовъ и многихъ ученыхъ обществъ. (Московск. Вѣд.).

ПЕРЕНЕСЕНІЕ, ОТПѢВАНІЕ И ПОГРЕБЕНІЕ ТѢЛА ВЪ ВОЗѢ ПОЧИВШАГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ.

Въ субботу, 12 іюня, совершено было перенесеніе тѣла почившаго Владыки изъ подмосковнаго села Черкизова, гдѣ онъ скончался, въ кафедральный Чудовъ монастырь, по заранѣе составленному церемоналію. Въ 9 часовъ утра въ Крестовой церкви загороднаго митрополичьяго дома совершена была заукопная литургія преосвященнымъ епископомъ Можайскимъ Алексіемъ въ сослуженіи преосвященнаго Кіриллы, епископа Чебоксарскаго, архимандритовъ и священниковъ. Во все время литургіи ко гробу святителя непрерывною цѣнью подходили люди всякаго званія и сословія, желавшіе проститься въ послѣдній разъ съ почившимъ. Между тѣмъ постепенно собирались всѣ лица, которыя по обязанности, или по собственному усердію принимали участіе въ процессіи,—въ томъ числѣ кромѣ лицъ духовныхъ, много высокопоставленныхъ и начальствующихъ въ Москвѣ, лицъ свѣтскихъ, съ его сіятельствомъ генералъ-губернаторомъ княземъ В. А. Долгоруковымъ во главѣ. Въ Черкизово собрались также изъ Москвы и изъ окрестныхъ селъ и деревень многочисленныя толпы народа, чтобы въ послѣдній разъ поклониться и отдать послѣдній долгъ усопшему Святителю. Печальная процессія перенесенія тѣла, въ которой лица участвующія заранѣе заняли свои мѣста по церемоналію, тронулась изъ Черкизова ровно въ 11½ часовъ. Гробъ вынесенъ былъ изъ церкви на рукахъ архимандритовъ и поставленъ на бѣлый газетовый катафалкъ, запряженный 6-ю лошадьми цугомъ въ траурныхъ попонахъ и увѣнчанный архіерейскою митрой.

Процессія тронулась при пѣніи пѣвчихъ и растянулась почти на версту непрерывною цѣнью въ слѣдующемъ порядкѣ. Впереди несли 16 хоругвей изъ соборовъ Успенскаго, Архангельскаго и Чудова монастыря, за ними два іеромонаха изъ Чудова монастыря несли иконы: Преподобнаго

Сергія (изъ Троицкаго подворья) и Св. Алексія митрополита (изъ Чудова монастыря); потомъ слѣдовали Чудовскіе пѣвчіе чиновники консисторіи и наставники семинаріи и духовныхъ училищъ, въ мундиряхъ, по два въ рядъ; псаломщики, диаконы, іеродіаконы, священники, протоіереи и іеромонахи, всѣ по два въ рядъ и въ траурныхъ облаченіяхъ. За ними четыре протоіерея, каждый съ двумя ассистентами священниками, несли ордена покойнаго владыки въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) докторскій крестъ, Св. Анны 1 степени, Св. Александра Невскаго и Св. Владиміра 1 степени. Далѣе слѣдовали: хоръ Синодальныхъ пѣвчихъ; три іеромонаха съ Евангеліемъ, запрестольнымъ крестомъ и иконой Божіей Матери; девять архимандритовъ и 4 преосвященные, къ которымъ у Красныхъ воротъ присоединился еще архіепископъ Фаворскій Никодимъ, ожидавшій процессію вмѣстѣ съ очереднымъ духовенствомъ. Далѣе шли іеродіаконы съ крестомъ лампадой, панагіей и посохомъ и іеромонахи съ бѣлымъ клобукомъ Владыки, митрой и омофоромъ на блюдахъ, за ними гробъ на траурной колесницѣ. Гробъ, покрытый мантией, поддерживали два діакона, по сторонамъ шли два діакона съ трикиріемъ и дикиріемъ, два діакона съ рипидами, шесть діаконствъ съ кадилами и четыре со свѣтильниками. За колесницей верхомъ до самаго Чудова монастыря ѣхалъ Московскій генералъ-губернаторъ. У гроба шли братья покойнаго протоіерея С.-Петербургскаго Казанскаго собора Александръ Петровичъ Булгаковъ, съ супругой и сыномъ.

Шествіе, по заранѣе установленному порядку, по выходѣ изъ села Черкизова, направилось въ Преображенскую заставу, у которой встрѣчено было иноками сосѣдняго единовѣрческаго монастыря, и затѣмъ мимо Петропавловской, въ Преображенскомъ, церкви по Сокольничьему шоссе, Красносельской улицѣ, въ арку Красныхъ воротъ, по Мясницкой и Никольской улицамъ, къ Чудову монастырю въ Никольскія ворота.

По всему пути слѣдованія печальной процессіи, начиная отъ самаго Черкизова, по обѣимъ сторонамъ, стояли непрерывныя сплошныя массы народа, которыя становились все гуще и гуще по мѣрѣ приближенія къ центральнымъ частямъ города. Всѣ площади, тротуары, балконы, окна домовъ не реполнены были народомъ, такъ что всѣхъ провожавшихъ и присутствовавшихъ при церемоніи надобно приблизительно положить не въ одну сотню тысячъ. На Сокольничьемъ шоссе отъ учительской семинаріи военнаго вѣдомства и военной гимназіи, помѣщающихся по близости, выведены были и построены рядами воспитанники съ своими офицерами и воспитателями,—что дѣлаетъ большую честь ихъ начальству, по собственной инициативѣ, оказавшему должное почтеніе и вниманіе къ памяти почившаго Святителя.

Погребальный звонъ Черкизовской церкви, противъ которой была отслужена первая литія, оповѣстивъ о началѣ печальной церемоніи. По мѣрѣ приближенія шествія къ Москвѣ, слышался во всѣхъ храмахъ перезвонъ колоколовъ; процессія среди этой массы народа десятиверстное пространство отъ архіерейскаго дома до Чудова монастыря совершила въ 4 часа слишкомъ, тѣло почившаго внесено было въ церковь Чудова монастыря ровно въ 3¼ часа пополудни.

По пути слѣдованія изъ каждой церкви и монастыря выходило на встрѣчу духовенство и монашествующіе съ хоругвями. У церкви Петра и Павла, въ Преображенскомъ, Трехъ Святителей, у Мясницкихъ воротъ, Гребенской Божіей Матери, на Лу-

бянской площади и у Казанскаго собора на Никольской, куда была вынесена икона Иверской Божіей Матери, шедшими въ процессіи архіереями совершены были литіи. На Мясницкой, противъ Харитоньевскаго переулка, на встрѣчу вышло съ хоругвями духовенство епархіальнаго женскаго Филаретовскаго училища, съ учащими и учащимися, которыхъ можно было собрать въ теперешнее канікулярное въ училищѣ время. У Красныхъ воротъ преосвященный Амвросій отделился отъ шествія и въ экипажѣ поспѣшилъ опередить его, чтобы имѣть возможность снова встрѣтить его на Никольской во главѣ братіи Богоявленскаго монастыря, въ которомъ онъ имѣетъ настоятельство и жительство. У Чудова монастыря архимандриты сняли гробъ съ катафалка и внесли въ соборъ. На крыльцѣ встрѣтилъ тѣло архіепископъ Варшавскій Леонтій, прибывшій изъ Петербурга, по назначенію Святѣйшаго Синода, и съ нимъ наѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ Веніаминъ. По внесеніи гроба въ соборъ всѣми архимандритами (въ числѣ 7-ми) и архимандритами и протоіереями отслужена была панихида, окончившаяся въ пять часовъ слишкомъ. Тотчасъ послѣ нея началось чтеніе Евангелія. Ко гробу усопшаго Владыки, до самаго его отпѣванія, массами стекался народъ, чтобы поклониться ему.

13 іюня, въ Воскресенье, въ Чудовомъ монастырѣ была совершена заупокойная литургія по въ Бозѣ почившемъ высокопреосвященномъ митрополитѣ Московскомъ Макаріи. Литургію совершалъ преосвященный Амвросій епископъ Дмитровскій въ сослуженіи съ архимандритами: Воскресенскаго монастыря Веніаминъ и ризничимъ Московской патріаршей ризницы Іосифомъ. По окончаніи литургіи была совершена панихида. Панихиду совершали: Леонтій архіепископъ Варшавскій, Амвросій и Алексій викаріи Московскіе, Кирилль епископъ Чебоксарскій и настоятель Симонова монастыря Іоаннъ, бывший епископъ Алеутскій, въ сослуженіи со многими архимандритами, протоіереями и священниками. На литургіи и панихидѣ присутствовали Московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ. Къ концу литургіи прибыли оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ и Іаковъ епископъ Муромскій.

14 числа происходило отпѣваніе тѣла почившаго Владыки. Заупокойная литургія началась рано—въ 8 часовъ утра; по официально же разосланному церемониалу она назначена была въ 10 часовъ утра. Такая перемена часа была причиною того, что нѣкоторые даже и изъ лицъ духовныхъ неволью опоздали къ началу отпѣванія. Литургію совершалъ высокопреосвященный Леонтій, архіепископъ Варшавскій въ сослуженіи московскихъ преосвященныхъ викаріевъ Амвросія и Алексія. Послѣ литургіи въ 10¹/₂ час. началось отпѣваніе, въ которомъ участвовало восемь архіереевъ: Леонтій Варшавскій, Амвросій, Алексій, Кирилль Чебоксарскій, Іаковъ Муромскій, Сергій Ковенскій, Никодимъ Фаворскій и Іоаннъ бывший епископъ Алеутскій, въ сослуженіи съ восемнадцатью архимандритами и многими протоіереями. Присутствовали генераль-губернаторъ В. А. Долгоруковъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ, другія военныя и гражданскія власти и представители Московскаго дворянства, города Москвы и разныхъ учреждений. Слово во время причастнаго стиха, сказалъ протоіерей Петропавловскій, въ Басманной, церкви П. А. Смирновъ; а въ концѣ литургіи профессоръ Богословія въ университетѣ Н. А. Сергіевскій во

время отпѣванія сказали рѣчь каедральный А. И. Соколовъ и Казанскаго собора Д. И. Кастальскій. Отпѣваніе окончилось въ 12 часовъ, послѣ чего гробъ почившаго вынесенъ былъ изъ церкви архимандритами поставленъ на катафалкъ. Процессія тронулась въ томъ же порядкѣ и по тому же пути, какъ и во время перенесенія тѣла изъ Черкизова, по направленію къ Троицкому вокзалу, съ тою разницею, что въ процессіи приняло участіе еще большее число лицъ, какъ изъ духовенства, такъ и изъ другихъ сословій. Тотчасъ за гробомъ шли оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ и родственники покойнаго и ѣхалъ верхомъ Московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ. Всѣ присутствовавшіе при отпѣваніи генералы въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ ѣхали верхомъ за нимъ, гражданскіе чины шли пѣшкомъ. У рѣшетки Успенскаго собора процессія была встрѣчена юнкерами Александровскаго военнаго училища, а далѣе частями войскъ, выстроеными безъ оружія отъ полковъ: Софійскаго, Невскаго, Астраханскаго, Фанагорійскаго, Малороссійскаго, Сибирскаго, Таврическаго, Кіевскаго, Ростовскаго и Екатеринославскаго, по 160 человекъ и по 4 офицера отъ каждаго полка. При попутныхъ церквахъ по прежнему гробъ встрѣчало духовенство и служились литіи. На всемъ пути шествія стояли непрерывною стѣною громадныя массы народа; даже на крышахъ домовъ видѣлся народъ. На Ярославскую станцію гробъ былъ внесенъ архимандритами, и отслужена была литія. Затѣмъ гробъ поставленъ былъ на обитый чернымъ сукномъ высокой катафалкъ, установленный среди громадной (составленной изъ 3-хъ обыкновенныхъ товарныхъ) открытой платформы, тоже обитой чернымъ сукномъ. Нѣсколько іеромонаховъ въ облаченіи поддерживали гробъ. Около катафалка поставлены были четыре хоругви и въ большихъ подсвѣчникахъ четыре свѣчи. Тутъ же на черномъ аналоѣ положены были иконы Божіей Матери и Преподобнаго Сергія, и Распятіе; мальчикъ въ траурномъ стихарѣ держалъ посохъ, два діакона рипиды, наклонивъ ихъ надъ гробомъ, тутъ же держали митру и клобукъ почившаго, дикіри, трикири и лампаду. Въ головахъ на другомъ аналоѣ помѣщалось Евангеліе, читавшееся въ продолженіи всего пути попеременно двумя лаврскими іеромонахами и двумя московскими священниками. Поѣздъ тронулся около двухъ часовъ, и на всегда унесъ отъ насъ великаго и незабвеннаго архимандрита. Съ этимъ же поѣздомъ отирались преосвященные архіереи и много духовныхъ и иныхъ лицъ, участвовавшихъ въ процессіи и пожелавшихъ проводить тѣло Владыки до мѣста его вѣчнаго упокоенія.

День былъ прекрасный. Яркое солнце обливало своими лучами живописныя подмосковныя окрестности и Сокольническую рошу, изъ за чащи деревьевъ которой на линію желѣзной дороги вышли дачники и набожно молились за упокой души своего любимаго архимандрита, отдавая праху его послѣдніе поклонны; похоронный поѣздъ желѣзной дороги шелъ съ обычной скоростью; мимо его мелькали толпы народа, вышедшаго въ праздничныхъ костюмахъ своихъ отдать послѣдній долгъ высокочтимому своему Владыкѣ митрополиту. Матери подымали на руки своихъ малолѣтнихъ дѣтей для того, чтобы засвидѣтельствовать предъ гробомъ архимандрита свою любовь къ нему.

У Мытищинской станціи, по правую сторону дороги, стояло духовенство, вышедшее на встрѣчу гроба своего Владыки съ запрестольными иконами и хоругвями; около него

сгруппировалась масса народу, пришедшаго изъ упомянутого села, ближайшихъ деревень и кирпичныхъ заводовъ; въ числѣ этой пестрой толпы простолюдиновъ были и дачники. Завидя гробъ Владыки, многіе преклоняли колѣна, крестились и клали земные поклоны. Когда поѣздъ остановился, сельское духовенство приступило къ совершенію литіи. Пѣніе было самое умиленное, къ клиру присоединились голоса народа, молившагося съ колѣнопреклоненіемъ. Но вотъ поѣздъ снова тронулся и на всемъ протяженіи до Пушкина былъ сопровождаемъ молитвами народа, выходившаго изъ селеній прилегающихъ къ линіи желѣзной дороги. За нѣсколько сажень до дебаркадера Пушкинской станціи, поѣздъ остановился противъ церкви «Лѣснаго городка», гдѣ гробъ былъ встрѣченъ мѣстнымъ духовенствомъ вышедшимъ съ хоругвями и запрестольными иконами и въ присутствіи большого числа дачниковъ, имъ была отслужена литія. На самой станціи, ожидало прибытія поѣзда духовенство села Пушкина, вышедшее за двѣ версты съ иконами и хоругвями, и совершило литію; вся платформа станціи была, въ буквальномъ смыслѣ, запержена дачниками. Приближаясь къ Хотьковской станціи, мы увидали, по правую сторону дороги инокинь Хотькова монастыря расположившихся по нѣскольку около полотна дороги и встрѣтившихъ гробъ Владыки земными поклонами. Самая платформа станціи кишела народомъ, сюда были вынесены изъ монастыря иконы и хоругви; монахи, вмѣя во главѣ свою игуменью, находились тутъ же. Какъ только поѣздъ остановился, изъ вагона вышелъ преосвященный архіепископъ Леонтій съ двумя архіереями, во всемъ облаченіи и при пѣніи монахинь совершилъ литію. Ровно въ 5¼ часовъ вечера, похоронный поѣздъ прибылъ на станцію Сергіева посада, гдѣ уже ожидалъ его намѣстникъ Сергіевой Лавры архимандритъ Леонидъ съ братією обители, здѣсь же находились студенты Лаврской академіи и ихъ наставники. Гробъ Владыки былъ поднятъ съ катафалка платформы іеромонахами обители св. Сергія Радонежскаго, внесенъ въ зданіе вокзала и поставленъ на приготовленное возвышеніе, гдѣ совершена была соборнѣ литія.

При выносѣ гроба изъ вокзала, картина была величественная: двѣнадцать хоругвей Сергіевской Лавры находились передъ процессіей и первыми открыли печальное шествіе; массы народа окаймляли весь путь отъ станціи до святыхъ воротъ Лавры; вся площадь монастырская, покрытая собравшимися на ней жителями посада и москвичами, нарочно прибывшими сюда на этотъ день, представляла изъ себя какъ-бы цвѣтнйкъ. Во главѣ процессіи шелъ архіепископъ Леонтій съ архіереями, и архимандритами, намѣстникомъ Лавры и братією святой обители. Порядокъ шествія нарушенъ ни въ чемъ не былъ, хотя стеченіе народа было громадное, напоминавшее собою похороны митрополита Филарета. Дворъ Лавры былъ также полонъ народомъ. Въ преддверіи Троицкаго собора, гробъ былъ встрѣченъ монашествующими и поставленъ на катафалкъ предъ царскими дверьми, послѣ чего въ сослуженіи всего духовенства архіепископомъ Леонтиемъ совершена была панихида. Колокольный звонъ Лавры начался съ той минуты, какъ только поѣздъ подошелъ къ станціи и затѣмъ продолжался на всѣхъ колокольныхъ церквей посада. Поѣздъ сопровождалъ московскій вице-губернаторъ И. И. Красовскій. Въ числѣ провождавшихъ гробъ Владыки митрополита находился родной братъ его, настоятель Казанскаго

Петербургскаго собора, о. А. П. Булгаковъ и всѣ родственники усопшаго Владыки.

15 іюня, въ 9 часовъ утра, въ Сергіевой Лаврѣ, въ Троицкомъ соборѣ, членомъ Св. Синода архіепископомъ Холмскимъ и Варшавскимъ Леонтиемъ, преосвященнымъ Алексіемъ епископомъ Можайскимъ и Сергіемъ епископомъ Ковенскимъ, въ сослуженіи четырехъ архимандритовъ: намѣстника Лавры Леонида, настоятелей Воскресенскаго монастыря Веніамина и Зайконоспаскаго Юсифа и намѣстника Чудова монастыря Веніамина, совершена была Божественная литургія по въ Возвѣ почившемъ митрополитѣ Макаріи. Къ этому времени съ утреннимъ поѣздомъ Ярославской желѣзной дороги прибыли изъ Москвы: московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, московскій губернаторъ В. С. Перфильевъ, московскій предводитель дворянства графъ А. В. Бобринскій, московскій городской голова В. Н. Чичеринъ и многіе другіе изъ высшаго общества Москвы и Петербурга. Во время причастаннаго стиха ректоръ Московской духовной академіи протоіерей С. К. Смирновъ сказалъ надгробное слово на текстъ Евангелія: *Иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречется въ царствіи небесныхъ* (Мѡ. V, 19). Въ Успенскомъ соборѣ одновременно съ тѣмъ Божественную литургію совершали преосвященный Амвросій епископъ Дмитровскій и преосвященный Кириллъ епископъ Чебоксарскій, въ сослуженіи архимандритовъ: Ананасія, настоятеля Златоуста монастыря, Синодальнаго ризничаго Юсифа, инспектора Виѣанской семинаріи Антошина и строителя Гуслицкаго монастыря Іеронима.

По окончаніи литургіи въ Троицкомъ соборѣ совершена была панихида предъ гробомъ почившаго высокопреосвященнымъ Леонтиемъ, преосвященнымъ Никодимомъ архіепископомъ Фаворскимъ, Іаковомъ епископомъ Муромскимъ, Алексіемъ епископомъ Можайскимъ, Сергіемъ епископомъ Ковенскимъ, въ сослуженіи десяти архимандритовъ, многіхъ протоіереевъ и ряда іеромонаховъ и священниковъ. По окончаніи панихиды гробъ поднятъ былъ архимандритами и обнесенъ вокругъ всего собора, причемъ на всѣхъ сторонахъ собора совершены были четыре литіи. Затѣмъ печальная процессія направилась къ Успенскому собору. На южной паперти этого собора она встрѣчена была преосвященными Амвросіемъ епископомъ Дмитровскимъ и Кирилломъ епископомъ Чебоксарскимъ. По совершеніи послѣдней литіи въ Успенскомъ соборѣ гробъ былъ опущенъ въ заранѣе приготовленный склепъ, на правой сторонѣ собора, подлѣ гробницы Августина архіепископа Московскаго.

С Л О В О

ПРЕДЪ ОТПѢВАНІЕМЪ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО МАКАРІЯ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И КОЛОМЕНСКАГО 1).

Вы есте свѣтъ міра, не можете градъ укрытися вверху чоры стонъ. Ниже висіаютъ свѣтильники и поставляютъ его подъ обрѣ, нома свѣщники, и свѣтитъ асмаъ, иже въ храмъи сунъ (Мѡ. 5, 14, 15).

И еще новая тяжкая потеря! Давно ли мы оплакивали здѣсь великаго и мудраго святителя Филарета? Какъ будто бы видимъ еще предъ собою добраго, вроткаго, любвебильнаго Инокентія! И вотъ окаять стоимъ у гроба архипастыря! Видяэту

1) Произнесено протоіереемъ Петропавловской, въ Басманной, церкви П. Смирновымъ.

почти юношескую легкость въ трудахъ, слыша эту сильную и мудрую рѣчь, восхищаясь благолѣпіемъ святительскихъ священнодѣйствій, мы утѣшались надеждой долго и долго еще радоваться твоему горѣнію и свѣщенію! И вотъ ты уже переселился въ горній міръ и намъ осталось только дѣлаться здѣсь одними свѣтлыми о тебѣ воспоминаніями!

Воспоминанія о святителѣ Макаріи, легко сказать! Мысль изнемогаетъ предъ громадой труда, множествомъ его дѣлъ и подвиговъ. Имя Макарія одно изъ великихъ именъ нашей отечественной исторіи. Оцѣнка этой жизни—дѣло грядущихъ поколѣній. Что можно сказать теперь у этого новаго гроба, при этомъ смятеніи мыслей и чувствъ отъ столь внезапной и страшной потери? Какъ связать это разнообразіе трудовъ и подвиговъ почившаго архипастыря? Какъ войти въ эту жизнь преисполненную дѣла и въ самомъ разгарѣ подвига столь неожиданно порвавшуюся!

Вы есте свѣтъ міра, — не можетъ градъ укрытиса оверху горы стол. Нижше вжмаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ одръ, но на свѣщникъ и свѣтитъ свѣтъ, иже въ храминъ суть.

Каждый іерархъ въ своей церкви есть свѣтильникъ. Почившій архипастырь былъ свѣтильникъ по преимуществу не для одной своей епархіи, а и для всей православной Россіи. И вотъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, верховный Глава церкви, говоритъ въ наше наученіе, что такіе свѣтильники Имъ возжигаются и ставятся высоко на свѣщникѣ церкви. Въ жизни почившаго святителя есть ясныя указанія особенныхъ путей Божественнаго Провидѣнія. Все повидимому соединяется, чтобы въ началѣ придавить и заглушить эту жизнь: раннее и безпомощное сиротство, самая жалкая обстановка первоначальнаго воспитанія, слабость здоровья, дѣтскія болѣзни, происходящія отъ бѣдности... Кто могъ подумать, что изъ этого жалкаго, забитаго, признаннаго безнадежнымъ мальчикомъ выдѣтъ великій святитель, наставникъ многихъ поколѣній, направитель церковной жизни, доблестнѣйшій слуга отечества, подвижникъ и покровитель просвѣщенія? *Отъ Господа бысть сіе, и есть дивно въ очахъ нашихъ* (Пс. 117, 23). Брошенный камень разбиваетъ оболочку черепа и раскрываются дивныя дары въ головѣ ребенка. Несчастіе и униженіе сироты-мальчика доводитъ до послѣдней мѣры, а чрезъ нѣсколько лѣтъ разстиается предъ нами путь къ почестямъ и славѣ. И взявъ его Господь за руку и повелъ выше и выше, и представляетъ этотъ свѣтильникъ невидимую, но живо чувствующую десницу Божіей съ мѣста на мѣсто и, какъ справедливо замѣчено однимъ изъ чтителей его памяти, всякій разъ именно туда, гдѣ нужно было быть ему для его трудовъ. По быстротѣ успѣховъ, по расширенію жизненнаго пути, по величію славы—онъ уступаетъ развѣ только одному гениальному и во всемъ необыкновенному святителю Филарету. И наконецъ намѣченный всею Россіей и утвержденный мощнымъ словомъ Самодержца, онъ его премникъ. Дивны эти пути Божественнаго Промысла и глубоко поучительны. Значитъ онъ былъ истиннымъ избранникомъ Провидѣнія, благопотребнымъ для нашего времени, значить онъ былъ полезнымъ орудіемъ чрезъ которое Самъ Глава церкви направлялъ судьбы ея къ путямъ Ему Единому вѣдомымъ!

Но если велики были духовныя дарованія почившаго Святителя, то также великъ былъ и его собственный подвигъ. Это былъ поистинѣ добрый рабъ который данный ему талантъ развилъ и приумножилъ (Мф. 25, 20) Это былъ вполнѣ

наученный царству небесному книжникъ, который какъ мудрый хозяинъ выносилъ изъ своей сокровищницы и новое и старое, и все слагалъ на пользу общую (Мф. 13, 5). Непорочная и чистая жизнь его *на высотѣ горы* предъ всѣми, и вся свѣтится высокою идеей. Какъ сынъ свѣта онъ ясно видитъ и твердо ставитъ цѣль передъ собою, и, чтобы не уклониться съ прямого пути къ ней, даетъ обѣтъ. Какой обѣтъ? Всю жизнь, всѣ силы отдать на пользу просвѣщенія, и все что будетъ приобретаемо отъ этого служенія обращать сюда же на ту же самую пользу. И вотъ начинается эта жизнь неустаннаго труда и заботы ничѣмъ неразвлекаемой. Тѣло отдается въ полную власть духа и настолько покоится и бережется сколько это нужно для его работы. Извѣстный часъ хожденія по саду, всегда одинъ и тотъ же, нѣсколько минутъ освѣщенія въ водѣ, всегда разнѣренное, крайне умѣренная трапеза, а тамъ опять трудъ и трудъ съ равнаго утра и поздняго вечера. И занятіе въ трудѣ и отдыхъ въ трудѣ. И вотъ, при содѣйствіи всеяльной благодати Божіей, предъ нами выросла эта масса письменныхъ трудовъ Святителя, изъ которыхъ каждый, взятый отдѣльно, могъ бы прославить своего автора. И при этомъ совершается множество дѣлъ по управленію епархіями, по участию въ высшемъ церковномъ управленіи, по руководительству разныхъ комитетовъ, по устроению ревизіи всѣхъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній. Великій дѣятель науки, великій дѣятель въ церковной жизни!

Въ наукѣ труды великаго архипастыря соединяются около двухъ главныхъ его сочиненій: *Богословія и Истории Русской церкви*. Въ первомъ изъ сихъ трудовъ онъ завершаетъ движеніе богословской науки, начавшееся въ нашей церкви давно, еще до временъ Петровыхъ, по поводу новыхъ отступленій отъ православія, сдѣланныхъ на христіанскомъ Западѣ, и передаетъ ученіе вѣры въ системѣ ясной, полной и отчетливой: трудъ единственный на всемъ православномъ Востока! Во второмъ изображаетъ прошедшія судьбы нашей церкви, чтобы яснѣе обозначался путь ея впередъ. Этотъ трудъ дѣлится еще выше, и какая утрата для церкви, для науки, что онъ прерывается смертію, и собранное богатство еще не переданныхъ свѣту знаній унесено туда! Въ то же время неуклонно исполняется и другая часть обѣта: самый строгій счетъ ведется приобретеніямъ отъ сихъ трудовъ и объявляется всенародно, какъ бы это была не его личная собственность, и затѣмъ жертва громадная, рѣдкая въ нашъ практическій вѣкъ, приносится на пользу просвѣщенія. Въ своемъ безпримѣрномъ дарѣ святитель соединяетъ благо церкви и благо отечества въ одно нераздѣльное благо. Какая глубокая мысль! Какой завѣтъ потомству! Какой вообще примѣръ самоотверженія и патриотизма!

Въ трудахъ епархіальнаго служенія святитель прежде всего искалъ строгой правды и имѣлъ за неперемѣнное правило назначать на мѣста служенія достойнѣйшихъ, открывать болѣе широкое поприще для лицъ болѣе образованныхъ и способныхъ, отыскивать и награждать заслуги. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сердце его было открыто всѣмъ благороднѣйшимъ чувствамъ любви и состраданія. Сколько жертвъ принесено святителемъ и въ облегченіе бѣдности, и въ помощь воспитанію, и поощренію талантовъ! А, какъ умѣлъ онъ ободрить приходившихъ къ нему! При этой привѣтливой рѣчи, при этомъ ласковомъ обращеніи забывалось различіе положеній, и откровенно высказывалась нужда, а мудрое слово Святителя сейчасъ же на-

правляло мысль на самое существо дѣла и затрудненія исчезали какъ бы сами собою.

Но особенное значеніе въ жизни почившаго имѣютъ труды его по высшему церковному управленію. Должно замѣтить, что Господь поставилъ его на высокомъ свѣщникѣ въ самое трудное время, когда перестраивалась вся жизнь народа русскаго и при этомъ неизбѣжно затрогивался и внѣшній строй самой церковной жизни, а это такая область, гдѣ и малѣйшее движеніе, какъ мы знаемъ изъ многихъ и многихъ примѣровъ, способно вызвать бурю. Всемъ извѣстно искреннее горячее сочувствіе почившаго іерарха благодѣтельнымъ преобразованіямъ Царя Освободителя: какъ радостно онъ привѣтствуетъ ихъ въ своихъ словахъ къ паствамъ! Съ какимъ восторгомъ указываетъ въ нихъ соотвѣтствіе требованіямъ евангельской любви! Съ какимъ усердіемъ старается направить своихъ пасомыхъ къ стезямъ новой жизни!.. въ этихъ словахъ сверхъ другихъ достоинствъ видны проблески великаго государственнаго ума. Но по высокому своему положенію, по особенному довѣрію верховной власти ему приходилось не ограничиваться только этими выраженіями сочувствія, которое впрочемъ всеми раздѣляется, а и связывать свое громкое въ наукѣ имя съ тѣми или другими попытками измѣненія внѣшняго церковнаго строя согласно новымъ государственнымъ порядкамъ, и вотъ здѣсь-то это высокочтимое имя и нѣкоторыя дѣйствія почившаго архипастыря становятся предметомъ пререканія: съ одной стороны самой восторженной хвалы и превозношенія, съ другой—нѣкотораго какъ бы недовольства и даже прямаго осужденія. Что сказать объ этомъ? Прежде всего—время ли произносить судъ? Наша эпоха напоминаетъ во всемъ эпоху Петрову: и тогда измѣнялся строй государства и измѣнялся внѣшній строй церкви. Но мы знаемъ, что исторія не произнесла еще окончательнаго суда и надъ дѣятелями той эпохи: какъ же судить современныхъ великихъ дѣятелей исторіи? Оставимъ это грядущимъ родамъ; а судьбы церкви—въ рукахъ Верховнаго Руководителя, Который часто ведетъ Своихъ избранниковъ и не туда, куда они сами хотятъ идти... Служитель церкви есть по преимуществу съятель: прилагаетъ къ поручаемому ему дѣлу крайнюю степень своего разумія, проникаетъ самыми искренними желаніями добра, трудится до изнеможенія силъ, и затѣмъ полагаетъ свой посильный трудъ въ руки божественнаго Провидѣнія, творя молитву Подвигоположника нашего спасенія: *не яко же азъ хошу, но яко же Ты*. И почившій великій іерархъ, столь неуклонный и настойчивый въ трудѣ книжномъ и въ своихъ частныхъ занятіяхъ, въ дѣлахъ, касавшихся церковной жизни былъ уступчивъ и сдержанъ: черта которой часто не понимали ни враги его, ни даже нѣкоторые изъ его почитателей.

И однакоже не безслѣдно прошли для почившаго архипастыря и эти бури, разразившіяся надъ нимъ на самой высотѣ горы, на самой верхней ступени его положенія. Къ другимъ признакамъ избранника Божія присоединился и этотъ: *злостраданія и долготерпѣнія*. Не многими только трудами, а и многими скорбями надлежало ему войти въ царство небесное. Крестомъ сиротства, бѣдности и болѣзней начался его жизненный путь: крестомъ и увѣчался. Недавнее кроткое слово его къ московскому духовенству относительно его враговъ показываетъ ту степень высоты, на какой стоялъ его духъ надъ столь обычною людскою несправедливостію. Но, успокоенные и утѣшенные этими словами Святителя мы и не предчувствовали, что и это особенно бурное движеніе против-

наго вѣтра, и это неземное спокойствіе въ духѣ архипастыря предвѣщали его близкій конецъ. А самъ Святитель чувствовалъ это и ясно высказывалъ своимъ приближеннымъ, и всегда стоявшій на стражѣ своего дѣла, готовился къ переходу въ вѣчность. Наконецъ *пришелъ часъ его*, и духъ его уже безъ болѣзней и страданій отрѣшился отъ своей брэнной оболочки. Домоправитель церкви тихо подошелъ, взялъ Свой горящій свѣтильникъ и переставилъ въ другой міръ.

Да успокоитъ же Господь духъ многопотрудившагося и пострадавшаго Святителя, и дѣже нѣсть болѣзнь, печаль и воздыханіе! Стяжавшему образъ кротости да даруетъ наслѣдіе въ землѣ живыхъ! Алкавшій и жаждавшій правды, да насытится онъ оправданіемъ отъ животворныхъ язвъ Спасителя! Сотворившій столько дѣлъ милосердія и духовныхъ и тѣлесныхъ, да услышитъ онъ отъ Праведнаго Судіи и себѣ слово милости! Проникавшій въ тайны высшей мудрости, да зреть онъ Бога уже не гадательно какъ здѣсь, а лицомъ къ лицу! И да дастъ ему Господь силу и дерзновеніе предстательствовать о насъ, чадахъ его, объ этой великой Московской церкви, о нашемъ дорогомъ отечествѣ и о всемъ православномъ мірѣ. *Аминь.*

П Р И О Т П ъ В А Н И В Ѣ Б О З Ѣ П О Ч И В Ш А Г О В Ы С О К О П Р Е О С В Я Щ Е Н Н Ы Й Ш А Г О М А К А Р І Я , М И Т Р О П О Л И Т А М О С К О В С К А Г О И К О Л О М Е Н С К А Г О .

Въ священной обители сей, гдѣ часто священнодѣйствовалъ ты, не слышимъ болѣе молитвеннаго голоса твоего, великій іерархъ! Неожиданно для всехъ, еще въ силѣ духа и тѣла, кончилъ ты многотрудное земное теченіе свое. Неутомимый твой духъ, совлекшись брэнной плоти, паритъ уже въ иной странѣ, откуда не доходитъ до насъ человѣческое слово, гдѣ тружениковъ земныхъ ожидаютъ вѣчный покой и наградныя вѣнцы. *Много трудовъ предназначено каждому человеку*, говоритъ Премудрый (Сир. 2. 40. 1.) Ты былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которыхъ Божественный Промыслъ, надѣливъ высокими дарованіями, посылаетъ въ міръ на нелегкіе труды, труды науки и просвѣщенія. Цѣлую треть жизни ты неутомимо трудился надъ просвѣщеніемъ самого себя, перенося лишенія и нужды; вся остальная жизнь твоя была посвящена наукѣ и просвѣщенію другихъ. Не легко было вдругъ вести два дѣла; но при отличныхъ дарованіяхъ, при неутомимомъ трудѣ достигъ ты въ томъ и другомъ блестящаго успѣха. Съ лѣтами умножались знанія, росла опытность, расширялся кругъ твоей просвѣтительной дѣятельности. Свѣтъ приобретаемыхъ тобою глубокихъ и многостороннихъ знаній не ограничивался только тѣсными стѣнами академическихъ аудиторій, но разносился во все края царства Русскаго многочисленными питомцами твоими, разливался обильнымъ потокомъ по обширному отечеству чрезъ глубоко-ученыхъ, одно за другимъ являвшихся произведенія твои, которыя не только поставили высоко имя твое въ ряду отечественныхъ писателей, но стяжали тебѣ славу и среди ученыхъ богослововъ Запада. Предположивъ на поученіе соотечественникамъ изобразить судьбы православной церкви русскаго, ты не утрашился великаго труда, потребнаго для такого обширнаго предпріятія. Части задуманнаго тобою произведенія быстро являлись въ свѣтъ, съ уваженіемъ встрѣчались въ ученномъ мірѣ и оцѣнивались по достоинству; многочисленныя служебныя занятія не могли угасить или охладить въ тебѣ горя-

чей ревности къ излюбленному тобою дѣлу. На многихъ свѣщникахъ отечественной церкви стоялъ ты, свѣтъ и назидая паствы словомъ истины и примѣромъ жизни; но и среди многосложныхъ обязанностей архипастырскаго служенія ты не оставлялъ ученыхъ работъ, съ любовію и неутомимостію продолжалъ ихъ до той самой минуты, въ которую Господу угодно было призвать тебя въ другой міръ. Многого еще ожидали отъ тебя церковь и отечество, многого ожидала отъ тебя паства Московская; но внезапное и по человѣческимъ расчетамъ, какъ бы преждевременное отшествіе твое унесло съ тобою всѣ надежды и ожиданія. Но неисповѣдимымъ судьбамъ Божественнаго Промысла ты отшелъ отъ насъ въ иную жизнь, но никогда не отидеть отъ насъ память о тебѣ. Не забудетъ тебя церковь православная, на пользу которой такъ много потрудился; не забудетъ тебя земля русская, въ сокровищницу просвѣщенія которой ты внесъ столь драгоценный вкладъ; не забудутъ тебя паствы, среди которыхъ право правилъ ты слово истины Христовой; не забудетъ тебя и паства Московская. Не долго ты святительствовалъ среди насъ, не успѣлъ еще проявить всѣхъ высокихъ качествъ своего ума и сердца, но и кратковременное пребываніе твое на каѳедрѣ Московской оставило въ насъ глубокую признательность. Твоя привѣтливость, твое искреннее желаніе направлять всякое дѣло по требованію строгой справедливости, твой скорый и живой откликъ на все благое и полезное, твое назидательное служеніе, твои проникнутыя теплотою и сердечностію поученія, твои охотныя и нескудныя жертвы на поощреніе къ просвѣщенію, на благо просвѣщающихся, на пользу сиротствующихъ и нуждающихся всегда будутъ жить въ памяти и возбуждать въ сердцахъ нашихъ молитвенныя чувства и желанія, да причтетъ тебя Господь милосердый къ лику великихъ предшественниковъ твоихъ, со святыми торжествующихъ въ обителяхъ горнихъ.

Прости, глубоко-чтимый архипастырь! Какъ неутомимый дѣлатель въ жертвоградѣ Христовомъ, вниди въ радость Господа твоего и съ высоты небесной преподай намъ твое святительское благословеніе.

Протоіерей А. Соколовъ.

РѢЧЬ ПРИ ГРОБѢ МАКАРІЯ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Такъ недавно встрѣчали мы покойнаго Владыку нашего съ свѣтлыми надеждами на его благопросвѣщенную мудрость и попечительность о благѣ и славѣ церкви Христовой! Такъ недавно утѣшались мы мыслию, что за славными именами Платона и Августина, Филарета и Иннокентія въ ряду іерарховъ нашихъ послѣдуетъ не менѣе славное имя Макарія съ славнымъ служеніемъ его церкви Христовой! Но вотъ Господь судилъ намъ недолго пользоваться его мудростію и утѣшаться его славою. Правда, славное имя его останется, но славное служеніе его кончается. «Господь даде его намъ, Господь и отъять; яко Господеви изволися, тако и бысть. Буди имя Господне благословенно во вѣки».

Но и въ это короткое время его мудрость успѣла увеличить и благо церкви и его славу. Его свѣтлый и вѣрный взглядъ на дѣла управленія, его самостоятельность и независимость, недопускавшая постороннихъ вліяній въ дѣлѣ правленія, его быстрыя и предупредительныя распоряженія, наконецъ его обширныя познанія и о временахъ прошедшихъ и о событіяхъ современныхъ заставляли насъ признавать и

читать въ немъ не только законную духовную власть, которая всегда имѣетъ за себя свидѣтельство Божіе, но и духовную мудрость, которая имѣетъ за себя лучшія свидѣтельства человѣческія. А его привѣтливость и снисходительность успѣли привязать насъ къ нему искренними сыновними чувствами.

Его жизнь высоко-духовная, удивительно правильная, неустанно-дѣятельная, чуждая и чуждавшаяся всякихъ развлеченій, бесполезно отнимающихъ время, мирно преданная мирной наукѣ, не представила бы ни малѣйшаго повода къ нареканію для самыхъ усердныхъ искателей чужихъ недостатковъ, которыхъ обыкновенно бываетъ много около людей, стоящихъ на нравственной высотѣ.

Онъ былъ и мудрымъ правителемъ, и въ тоже время мужемъ науки, и наука никогда не забудетъ его славнаго имени. Въ главномъ своемъ богословскомъ твореніи онъ довелъ наше православное богословствованіе до высшей степени полноты и опредѣленности. Давно оно служитъ и долго еще прослужитъ богатымъ источникомъ православныхъ богословскихъ понятій не только для учащихся, но и для самихъ учащихся, и для нихъ по преимуществу. Другой его великій трудъ — Исторія Русской Церкви. По истинѣ, это великій трудъ, и увѣ, прервался онъ тамъ, гдѣ исторія могла дать и самому почившему труженику много наслажденія, и намъ, читателямъ его, обѣщала много новаго свѣта. Да, мы знаемъ, что почившій Владыка нашъ послѣ духовныхъ и правительственныхъ занятій не имѣлъ, и не искалъ, и не хотѣлъ другаго отдыха и другаго удовольствія, кромѣ того, чтобы мыслию своею уходить въ вѣка давно минувшіе, на почву, глубоко лежащую подъ слоемъ вымершихъ поколѣній, чтобы потомъ въ своихъ живыхъ повѣствованіяхъ оживлять лица давно умершія и возобновлять событія, давно прошедшія. И кто, хоть немного знакомъ съ исторической наукой, тотъ долженъ сказать, что никто еще на такомъ широкомъ пространствѣ и такъ глубоко не поднималъ заросшую почву церковной русской исторіи. Никто еще не повѣствовалъ намъ о событіяхъ въ русской церкви такъ подробно и занимательно, съ такимъ живымъ изображеніемъ историческихъ дѣятелей, съ такимъ зоркимъ наблюденіемъ за ходомъ многосложныхъ событий. Удивляемся и не понимаемъ, какъ неутомимый Владыка нашъ въ ту же мѣру времени, которая отмѣрена и всѣмъ намъ, могъ сдѣлать такъ много, когда онъ успѣвалъ внимательно прочитывать и рѣшать дѣла настоящаго дня, и также внимательно прочитывать о дѣлахъ давно прошедшихъ и изображать ихъ въ живыхъ повѣствованіяхъ. Въ короткое время своего управленія Московскою паствою онъ успѣлъ изготвить для насъ два большихъ тома своей исторіи, и кто прочиталъ ихъ, тотъ непременно пожалѣетъ, что уже не имѣетъ надежды читать дальше. А мы привыкли къ его быстрой работѣ, уже обѣщали себѣ скорое удовольствіе читать его занимательную повѣсть о временахъ, чрезвычайно важныхъ въ нашей исторіи.

Поучалъ насъ почившій Владыка своею мирною и дѣятельною жизнію, поучалъ насъ писаніями своими, поучаетъ и поразительно неожиданно кончилою своею. Почивая во гробѣ сѣмъ, онъ молчаливо, но явственно и внушительно говорить тѣмъ, которые много ждуть и надѣются отъ жизни, не вѣрны ваши земныя надежды; единому Богу извѣстно, чего вы достигнете въ жизни; одно вѣрно и несомнѣнно, что придетъ къ вамъ смерть и поведетъ васъ на судъ Божій. Обремененнымъ трудами и заботами земными, онъ говоритъ: терпите и несите бремя жизни: и всѣмъ вамъ немного остается до

упокоенія, которое теперь даровано мнѣ. Читавшимъ таланты его онъ говорить: что мнѣ въ вашей чести и въ вашихъ похвалахъ? Единая вожеленная теперь для меня похвала только похвала отъ Бога: и вы, любящіе и чтущіе меня прежде всякой другой чести ищите, похвалу Божию. Врагамъ и порицателямъ своимъ онъ говорить: видите, я иду на судъ Божій, на которомъ одна истина и правда: вспомните, что и вамъ, и всѣмъ, придется стать предъ лицомъ той же истины и правды. И всѣхъ насъ онъ поучаетъ: непрестанно ждате часа смертнаго: каждый шагъ въ жизни можетъ быть послѣднимъ шагомъ къ смерти. И всѣ вы, трепещущіе теперь предъ смертнымъ одромъ, непременно возляжете на него, но помните, что найдутъ на немъ покой только тѣ, кои отверглися нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно, и праведно, и благочестно поживутъ въ пынѣшнемъ вѣцѣ, ждущие блаженнаго упоенія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего І. Христа.

Владыко святыи! Считаемо утѣшительнымъ и благознаменательнымъ твое послѣднее слово, обращенное къ Московскому духовенству не задолго до твоей смерти. Въ сію священную минуту предъ священною памятію твоею, да не помянется случай, по которому оно было. Но когда Московское духовенство почувствовало нужду для твоего, а вмѣстѣ и своего утѣшенія выразить предъ тобою свою преданность тебѣ и глубокое уваженіе къ твоимъ достоинствамъ, ты благодушно отвѣчалъ, что нисколько не сомнѣваешься въ добрыхъ чувствахъ духовенства. Вѣрь, отецъ, чувствую нашимъ, а мы вѣруемъ слову твоему; вѣруемъ, что отеческимъ сердцемъ ты принялъ и отеческимъ сердцемъ утѣшился сыновними чувствами твоего духовенства. И въ этомъ послѣднемъ, какъ бы прощальномъ, твоимъ словѣ, мы видимъ, что ты съ миромъ оставляешь насъ и миръ твой оставляешь намъ. И да будетъ сіе истинно и аминь.

Прот. Д. Кастальскій.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ПОГРЕБЕНІЯ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ ВЪ ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ, 15 ІЮНЯ 1882 ГОДА, ПРОИЗНЕСЕННОЕ РЕКТОРОМЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ, ПРОТОІЕРЕЕМЪ С. К. СМІРНОВЫМЪ.

Иже сотворишь и научишь, сей великій наречется въ царствіи небеснѣхъ. (Матѣ. 5, 19).

«Господи! что это такое?» сказалъ поражаемый внезапно косой смерти великій первосвятитель московскій, котораго гробъ предъ нами. И это были послѣднія слова его на землѣ. Слова обыкновенныя, вызванныя чувствомъ смущенія и страха, но они даютъ поводъ къ нѣкоторому размышленію.

Господи! что это такое? Ужели вземлешь Ты меня изъ этого міра, вземлешь въ такое время, когда я въ обилии силъ тѣлесныхъ и духовныхъ, ревностно, неустанно трудился для Святой Твоей Церкви и для науки, въ такое время, когда мнѣ предстояла великая неизгнѣсная радость принять высокое участіе въ священномъ вѣнчаніи Монарха въ великой церкви московской.

Потрясенные, пораженные неожиданною кончиною святителя великаго и мы слезно взываемъ: Господи! что это такое? Опять, и такъ скоро, осиротѣла церковь московская, осиротѣла и обитель преподобнаго Сергія! Двѣ только седмицы протекло какъ архипастырь нашъ совершалъ священнослуженіе, здѣсь въ храмѣ Пресвятыя Троицы, а теперь переселается уже въ небесный храмъ Троицкаго Божества! Ду-

малъ ли самъ онъ, думалъ ли кто нибудь, видя его тогда въ этомъ храмѣ, что это послѣднее его служеніе въ обители преподобнаго Сергія? Дивны, неисповѣдимы судьбы Твои, Господи!

Господи! что это такое! что стало съ нашимъ земнымъ отечествомъ, что Ты такъ часто, такъ неожиданно берешь отъ насъ лучшихъ людей въ отечество небесное? По истинѣ мы содѣлались недостойными Твоихъ великихъ милостей, Твоей отеческой любви. Обылось слово великаго святителя Филарета, сказанное имъ однажды въ послѣдніе годы его жизни великому изъ моихъ предметниковъ: «вижу, грозная туча собирается надъ нашею церковью». Мракъ невѣрія и отрицанія всего священнаго для духа вѣрующаго до того затмилъ умы людей, что попораны были всѣ законы, которыми держится благоустройство быта семейнаго, общественнаго и государственнаго, что наконецъ исчадія этого мрака дерзнули предать страшной смерти Помазанника Божія! Господи, что это такое? воскликнула тогда вся вѣрующая и царелюбивая Русь. Никогда немислимое, небывалое у насъ злодѣяніе!

Но отъ этихъ грустныхъ, скорбныхъ воспоминаній, отъ представленія о карающей насъ десницѣ Божіей, видимой еще и во внезапномъ отъятіи у насъ первосвятителя, перейдемъ къ утѣшительному созерцанію его высокихъ достоинствъ, которыя, по слову Спасителя, содѣлали его великимъ въ царствіи небесномъ. *Иже сотворишь и научишь*, сказалъ Господь, *сей великій наречется въ царствіи небеснѣхъ*. Какъ идетъ къ нему это слово Господие! Святитель многому училъ насъ и словомъ и жизнью своею.

Надѣленный отъ природы богатыми дарами ума, святитель постояннымъ, усиленнымъ трудомъ развивалъ свои умственные силы и въ послѣдствіи проявлялъ ихъ въ обширныхъ разнообразныхъ и блестящихъ произведеніяхъ пера. Вспомните его церковное слово. Припомните его величественную осанку, его прекрасное лицо, когда онъ исходилъ на проповѣданіе слова Божія. Сколько простоты и изящества въ его словѣ, сколько силы и убѣдительности въ его мысли, сколько свободы и одушевленія въ его произношеніи! Но не одию рѣчью ораторскою училъ онъ насъ, — онъ поучалъ насъ и своими твореніями, богословскими и историческими. Онъ первый далъ намъ обширное, ученѣйшее руководство къ изученію догматовъ православной христіанской вѣры, которое воспитало для служенія церкви множество учениковъ, содѣлавшихся потомъ, благодаря его учительной книгѣ, пастырями и архипастырями церкви. О высотѣ и дѣйственности его богословскаго созерцанія справедливо сказать то же, что сказалъ св. Григорій Богословъ о твореніяхъ св. Василія Великаго: «когда читаю я сочиненія Василія, тогда очищаюсь въ душѣ и тѣлѣ, дѣлаюсь угоднымъ для Бога храмомъ, органомъ, въ который ударяетъ Духъ Святыи, пѣснословцемъ Божіей славы и Божія могущества, и чрезъ то преобразуюсь прихожу въ благоустройство, изъ одного человѣка дѣлаюсь другимъ, измѣняюсь божественнымъ измѣненіемъ»). Но вѣнцемъ славнымъ трудовъ его, трудовъ продолжительныхъ, но увѣ! къ глубокому сожалѣнію всего ученаго міра недостигшихъ окончанія, служить его колоссальный трудъ — Исторія нашей отечественной церкви, написанная мастерскою рукой художника. Сколько гуть поучительнаго и назидательнаго для души любящей отечество! Святитель съ такою любовью за-

*) Твор. Григ. Богосл. VI, 126.

нять былъ этимъ послѣднимъ трудомъ своимъ, что все время свободное отъ служебныхъ обязанностей посвящалъ ему, любилъ говорить о немъ, лелѣялъ его какъ любимое чадо, дорожилъ всякимъ поводомъ свидѣніемъ, всякимъ мелкимъ до-скуткомъ древняго письма, относящимся къ предмету его историческихъ занятій—и для этой цѣли собралъ книжныя сокровища, которыя весьма многочисленны и многоцѣнны. Не могу безъ чувства глубокой признательности не указать и на то, что онъ вполне сочувствовалъ и ученымъ трудамъ подчиненныхъ ему духовныхъ дѣятелей, интересовался ихъ изслѣдованіями, поощрялъ и поддерживалъ ихъ, и не оскорблялся, если возрѣнія нѣкоторыхъ изъ нихъ были не согласны съ его личными мнѣніями—черта высокая, поучительная въ писателѣ знаменитомъ. Здѣшній расадникъ высшаго духовнаго образованія навсегда будетъ помнить своего славнаго покровителя, поставивъ его имя рядомъ съ именемъ великаго Филарета.

Не менѣе велика была учительская сила приснопамятнаго архипастыря, проявлявшаяся въ его жизни, въ его церковной дѣятельности. Прежде всего припомнимъ высоту его религиозной жизни: съ какимъ благоговѣніемъ, съ какимъ глубокимъ проникновеніемъ силой Божественнаго тайнодѣйствія совершалъ онъ священнослуженіе—это неоспоримо признаютъ присутствующіе здѣсь братія обители и другіе свидѣтели его благолѣпнаго служенія. По скромности и умѣренности въ образѣ жизни, по воздержанію въ пищѣ и питіи святитель былъ образцомъ строгаго инока и удивлялъ окружающихъ его скудостью, невзыскательностью своей трапезы. Любовь его къ постоянному труду, къ непрерывной кипучей дѣятельности была изумительна: подобно Филарету не могъ онъ пробыть минуты безъ дѣла, скучалъ, если былъ поставленъ въ необходимость отрѣшиться отъ занятій, тяготился если посѣщавшіе его не ради дѣла отнимали у него золотое для труда время. А время у этого неутомимаго труженика было распределено для его разнообразныхъ занятій съ необычайною строгостію и пунктуальностію: было назначено свое время для текущихъ дѣлъ церковныхъ, для бесѣды съ лицами имѣвшими до него нужду, и для занятій ученыхъ. И такой порядокъ изо дня въ день веденъ былъ неизмѣнно. О привѣтливости и вѣжливости въ его обращеніи, о высокомъ благородствѣ и сдержанности его характера, о снисходительности, терпѣливости его и другихъ досточтимыхъ качествахъ души его знаютъ все, которымъ случалось имѣть къ нему какое-либо отношеніе. Но въ краткое время своего управления московскою паствой святитель еще не успѣлъ проявить воѣхъ совершенствъ своей по истинѣ прекрасной души.

И при такихъ высокихъ достоинствахъ его ума и сердца люди потерявшіе вѣру во все прекрасное и святое умышленно глубоко оскорбить первосвятителя московскаго, чернили его въ печатномъ словѣ, взводили на него гнусныя клеветы, унижали его и выставляли публично на позоръ предъ лицомъ подчиненнаго ему духовенства. Святитель терпѣлъ и безмолвствовалъ. Собрались на защиту его все священнослужители церкви московской, но онъ благородно отклонилъ потребность публичнаго заявленія о его достоинствахъ и съ терпѣніемъ продолжалъ нести тяжелый крестъ свой, слѣдуя примѣру Христа, невиннѣйшаго страдальца, претерпѣвшаго оплеванія. Фактъ этотъ относится ко времени недавнему. Можно ли быть увѣреннымъ, что эти стрѣлы злословія пролетали мимо оскорбленнаго, не уязвляя его сердца? Не вѣрите ли,

напротивъ, думать, что этотъ ядъ подносимый ему врагами производилъ свое дѣйствіе, поражалъ его сердце и готовилъ ему вѣрную смерть? Господи! что же это такое? Когда пошлешь Ты праведный судъ Твой на людей, которые позорятъ церковь, позорятъ Твоихъ святителей, горящихъ и свѣтящихъ подобно свѣтильникамъ?

Блаженъ да будетъ святопочившій святитель, преселившійся въ обитель небесную, гдѣ нѣтъ ничего мрачнаго и скорбнаго, гдѣ одинъ свѣтъ безпредѣльный, одно блаженство нескончаемое. Помолимся о душѣ его, да вселится она въ селенія праведныхъ, во свѣтъ святыхъ, въ царствѣ Господа и Бога, которому почти полвѣка вѣрно служилъ онъ. Помолимся вмѣстѣ и о томъ, чтобы Господь въ утѣшеніе святой церкви Московской даровалъ ей архипастыря обильнаго словомъ вѣры и дѣломъ любви какъ всегда и прежде щедрялъ насъ милосердый Господь, даруя намъ таковыхъ святителей! Аминь.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ СЕРГІЕВА ПОСАДА.

7 и 8 іюня сего 1882 года состоялось общее собраніе Совѣта Московской духовной академіи. Предметомъ его разсужденій было—выпускъ окончившихъ въ нынѣшнемъ 1881—82 учебномъ году курсъ академіи и переводъ учащихся въ академіи студентовъ съ одного курса на другой. Результаты разсужденій Совѣта таковы: окончило въ нынѣшнемъ году 47 человекъ; изъ нихъ четверо — М. Богословскій, М. Знаменскій, Н. Ильинскій и Г. Нектаровъ со степенью кандидата Богословія, а остальные все магистрантами. А. Мартыновъ и В. Образцовъ за свои сочиненія на степень кандидата Богословія получили преміи; первый — въ 200 р. с., второй — въ 160 р. с. А. Мартынову предложено писать *pro venia legendi*, чтобы получить право занять оставшуюся по случаю выхода въ отставку доцента Н. И. Лебедева праздную кафедру Патрологии. С. Доброумовъ, И. Звѣревъ, К. Марковъ и П. Пятницкій представили въ Совѣтъ академіи сочиненія на степень магистра Богословія. Въ числѣ окончившихъ курсъ академіи въ нынѣшнемъ году 15 человекъ уроженцевъ Московской губерніи—іеромонахъ Сергій (Ланинъ), С. Уваровъ, Н. Кедровъ, С. Доброумовъ, И. Звѣревъ, К. Марковъ, П. Пятницкій, В. Третьяковъ, С. Пономаревъ, Н. Румянцевъ, Н. Красновскій, С. Виноградовъ, Н. Ильинскій, С. Смирновъ, С. Марковъ. Четверо изъ окончившихъ курсъ — М. Знаменскій, Н. Ильинскій, Н. Красновскій, Хр. Угреидзе (грузинъ) были стипендіатами Свято-Троицкой Сергіевой лавры¹⁾.—Съ третьяго курса на четвертый переведено 59 человекъ, сверхъ того разсужденіе о троихъ—В. Красновскомъ, С. Ситковѣ и П. Урусовѣ оставлено до начала будущаго 1882—83 учебнаго года. О первыхъ двухъ потому, что они не представляли еще кандидатскихъ сочиненій, испросивъ у Совѣта отсрочку; послѣдній же, хотя и представилъ сочиненіе на степень кандидата, но оно найдено неудовлетворительнымъ для полученія таковой, вслѣдствіе чего онъ испросилъ у Совѣта дозволеніе исправить оное въ продолженіе вакаціоннаго времени. Лучшіе баллы (5+) получили С. Никитскій и В. Новорусскій; первый за сочиненіе по Сравнительному Богословію, второй за сочиненіе по Догматическому Богословію. Премію въ 50 р. с. за проповѣди

¹⁾ Лавра содержитъ отъ себя 18 человекъ, она даетъ имъ въ Пятницкой башнѣ помѣщеніе и вноситъ за каждого изъ нихъ по 200 р. с. въ академію, за что они пользуются въ академіи на равнѣ съ казеннокошными студентами столомъ и сверхъ того получаютъ 90 р. с. на одежду и обувь.

получилъ С. Покровскій. Одинъ изъ переведенныхъ на четвертый курсъ студентовъ — Н. И. Преображенскій изъявилъ желаніе постричься въ монахи, почему и вошелъ въ Совѣтъ съ прошеніемъ, чтобы оно ходатайствовало предъ Святѣйшимъ Синодомъ о полученіи дозволенія исполнить ему это желаніе. Студентъ этотъ, по его словамъ, уже давно чувствовалъ въ себѣ призваніе къ монашеской жизни и не заявлялъ объ этомъ отчасти потому, что ждалъ исполненія нужныхъ для поступленія въ монашество дѣлъ, а отчасти и потому, что желалъ испытать себя, желалъ узнать, на сколько твердо, крѣпко въ немъ желаніе принять монашество. — Со втораго на третій курсъ переведено 64 человекъ; двое — Н. Соловьевъ и А. Тобольскій по болѣзни не являлись въ академію, а потому ихъ оставили на второмъ курсѣ. Тобольскому впрочемъ въ виду того, что онъ былъ боленъ только вторую половину года дозволено сдавать экзамены въ августѣ для перехода на третій курсъ. Большинство переведенныхъ на третій курсъ студентовъ уже взяло темы для сочиненій на степень кандидата. — Съ перваго на второй курсъ переведены всѣ 100 человекъ.

Вѣсть о кончинѣ Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, полученная здѣсь 10 іюня утромъ, поразила всѣхъ глубокою скорбью. Тотчасъ по полученіи извѣстія въ Троицкомъ соборѣ соборомъ лаврскихъ монаховъ была отслужена панихида по почившемъ и заупокойная литургія. Затѣмъ ежедневно совершаются по почившемъ панихиды и заупокойныя литургіи. Въ 6 часовъ вечера 10 іюня въ придѣлѣ св. Филарета Милостиваго, гдѣ лежатъ останки митрополитовъ Филарета и Иннокентія Московскихъ, о. ректоромъ академіи протоіереемъ Сергѣемъ Константиновичемъ Смирновымъ въ сослуженіи съ о. экономомъ академіи соборнымъ іеромонахомъ Анастасіемъ, о. помощникомъ бібліотекаря академіи іеромонахомъ Рафаиломъ и двумя лаврскими іеродіаконами, въ присутствіи всѣхъ находящихся въ настоящее время въ академіи профессоровъ и студентовъ академіи, совершена была панихида по почившемъ Владыкѣ.

14 іюня по случаю ожидаемаго прибытія тѣла почившаго митрополита уже съ двухъ часовъ пополудни начала собираться у вокзала Ярославско-Вологодской желѣзной дороги толпа народа. Въ половинѣ пятаго часа прибыли на вокзалъ лаврскіе монахи въ траурномъ облаченіи съ о. намѣстникомъ Лавры архимандритомъ Леонидомъ. Вслѣдъ за ними прибылъ о. ректоръ Академіи протоіерей Сергѣй Константиновичъ Смирновъ съ двумя деканами — Богословскаго отдѣленія Викторомъ Дмитріевичемъ Кудрявцевымъ и Церковно-Историческаго — Николаемъ Ивановичемъ Субботинымъ; а съ ними вѣстѣ инспекторъ Академіи Павелъ Ивановичъ Горскій-Платоновъ и всѣ профессора Академіи. Въ половинѣ шестаго часа давно ожидаемый поѣздъ прибылъ. На этомъ поѣздѣ прибыли высокопреосвященнѣйшій Леонтій, архіепископъ Варшавскій, епископы — Амвросій и Алексій, викарные Московской епархіи, Іаковъ Муромскій, Кириллъ Чебоксарскій и Сергій Ковенскій съ нѣсколькими архимандритами и протоіереями; съ этимъ же поѣздомъ прибылъ и хоръ Чудовскихъ пѣвчихъ. Тѣло почившаго было привезено на особо устроенной платформѣ. По прибытіи поѣзда тѣло почившаго было перенесено въ залъ вокзала, гдѣ была отслужена литія по почившемъ. Печальная церемонія перенесенія тѣла почившаго началась въ 6 часовъ. Гробъ вынесли изъ вокзала и несли до Троицкаго собора лаврскіе монахи. Процессія шла въ такомъ порядкѣ. Впереди несли хоругви, непосредственно за

ними шли лаврскіе послушники и монахи — по два въ рядъ; за тѣмъ студенты, ординарные и экстраординарные профессора, доценты и приватъ-доценты Академіи — по два въ рядъ; іеродіаконы и іеромонахи — по два въ рядъ; протоіереи и священники — по два въ рядъ; за тѣмъ несше ордена высокопреосвященнаго; три іеромонаха съ Евангеліемъ, запрестольнымъ крестомъ и иконой Божіей Матери; нѣсколько архимандритовъ, шесть вышепоименованныхъ архіереевъ. Далѣе шли іеродіаконы съ крестомъ, лампадой, панатіей и посохомъ и іеромонахи съ бѣдымъ клобукомъ Владыки, митрой и омофоромъ на блюдахъ, за ними гробъ. Гробъ былъ покрытъ мантией, по сторонамъ несли дикирій и трикирій, рипиды и четыре свѣтильника. У гроба шли братъ почившаго, протоіерей С.-Петербургскаго Казацкаго собора Александръ Петровичъ Булгаковъ, съ супругой и сыномъ. Шествіе направилось отъ вокзала къ Троицкому собору; около Пятницкой церкви процессія остановилась и была отслужена литія. По обѣимъ сторонамъ процессіи народъ тянулся сплошною стѣной вплоть до Троицкаго собора. По прибытіи процессіи въ Троицкія соборъ, гдѣ и былъ поставленъ на приготовленномъ мѣстѣ гробъ, была отслужена панихида по усопшемъ Владыкѣ. Немного спустя по прибытіи, началась всенощная, которую совершалъ высокопреосвященный Леонтій. На другой день, 15 іюня, прибыли въ Лавру Московскій генералъ-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ и Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода Константинъ Петровичъ Лобѣдоносцевъ. Литургію совершали: въ Троицкомъ соборѣ высокопреосвященный Леонтій съ двумя епископами, а въ Успенскомъ соборѣ преосвященный Амвросій съ двумя епископами. Послѣ литургій въ томъ и другомъ соборѣ были совершены панихиды по почившемъ Владыкѣ. Послѣ панихиды тѣло почившаго было перенесено изъ Троицкаго собора въ Успенскій и положено въ нарочито приготовленной могилѣ. Могила эта, согласно съ желаніемъ покойнаго, находится у западной стѣны Успенскаго собора, справа отъ западныхъ входныхъ дверей, рядомъ съ гробницею преосвященнаго Августина архіепископа Московскаго, противъ словъ, написанныхъ на стѣнѣ, относительно возобновленія этого собора въ прошломъ году: «по благословенію настоятеля Лавры высокопреосвященнаго митрополита Макарія».

Въ Троицкомъ соборѣ во время причастнаго стиха о. ректоръ Академіи Сергѣй Константиновичъ Смирновъ произнесъ слово по почившемъ на текстъ: «иже сотворить и научить, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ». Начавъ послѣдними въ жизни покойнаго Владыки словами: «что это такое со мною, Господи?» и высказавъ свои скорбныя чувства, по случаю кончины Владыки, о. ректоръ перешелъ далѣе къ характеристикѣ заслугъ покойнаго. Очертивъ далѣе достоинства проповѣднической, научной богословской и церковно-исторической, и церковно-административной дѣятельности почившаго Владыки, показавъ также и на то, какъ незлобиво и съ какимъ смиреніемъ относился почившій Владыка къ различнымъ нападкамъ на него въ нѣкоторыхъ органахъ печати, о. ректоръ обращается къ слушателямъ съ приглашеніемъ помолиться о почившемъ и тѣмъ заканчиваетъ свое слово.

Р. С. Одинъ изъ окончившихъ курсъ въ Академіи въ нынѣшнемъ 1881—82 учебномъ году — С. Уваровъ избранъ Совѣтомъ Академіи на должность помощника инспектора Академіи.